Ив, Бун

Карлъ Гуцковъ.

Уріель Акоста; трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Перев. съ нѣмецк.
Петра Вейнберга.

Изданіе
С. Скирмунта.

КАРЛЪ ГУЦКОВЪ.

УРІЕЛЬ АКОСТА; ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПЕРЕВ. СЪ НѢМЕЦК.
ПЕТРА ВЕЙНБЕРГА.

ИЗДАНІЕ
С. СКИРМУНТА.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Мая 1905 г.

Типо-литографія Б. М. Вольфа. Разъѣзжая, 15.

УРІЕЛЬ АКОСТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Манассе Вандерстратенъ, богатый амстердамскій купецъ.
Юдифь, его дочь.
Бенъ-Іохаи, ея женихъ.
Де-Сильва, докторъ, ея дядя.
Бенъ-Акиба, раввинъ.
Уріель Акоста.
Эсфирь, его мать.
Рувимъ, **Іоэль** — его братья.
Барухъ Спиноза, ребенокъ.
Де-Сантосъ, **Ванъ-деръ-Эмбденъ,** — раввины.
Служка синагоги.
Симонъ, слуга Манассе.
Слуга Сильвы.
Гости, народъ и пр.

Дѣйствіе въ Амстердамѣ, въ 1640 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ де-Сильвы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Де-Сильва и **Бенъ-Іохаи.**

Де-Сильва

(*отворяя среднюю дверь и впуская впередъ себя Бенъ-Іохаи*).

Такъ вы опять надѣетесь уйти
Изъ рукъ моихъ! Ну, нѣтъ! Коли ужъ только
Разъ мой порогъ переступили вы,
Такъ за него вамъ не уйти, Іохаи!..
Простите мнѣ, что васъ такъ долго ждать
Заставилъ я... Вы знаете, какое
Проклятое занятіе—врача!
Ну, здравствуйте! И такъ, вы снова съ нами
Отъ всей души привѣтствую!

Іохаи.

А я

Отъ всей души благодарю, де-Сильва.

Сильва.

И какъ-же вы перемѣнились! Да,
Совсѣмъ не тотъ, какимъ назадъ два года
Уѣхали! Подъ чужеземнымъ солнцемъ
Какъ быстро вы созрѣли! Да, вотъ здѣсь,
Здѣсь именно на этомъ самомъ мѣстѣ,
Прощальный поцѣлуй напечатлѣлъ
Я на челѣ у юноши, лишенномъ
Морщиночки малѣйшей,—а теперь
Передо мной серьезный мужъ! И вижу
Я на челѣ его слѣды заботъ,
Серьезныхъ думъ... Скажите, Бенъ-Іохаи,
Отечество второе неужли
Васъ встрѣтило, какъ мачиха?

Іохаи.

Напротивъ,
Я Амстердамъ нашелъ такимъ, какимъ
Оставилъ. Духъ свободнаго гражданства,
Какъ и тогда, въ немъ бодръ и крѣпокъ. Онъ
Въ страданіяхъ, испытанныхъ подъ гнетомъ
Испаніи, утѣшился своею
Блистательной торговлей; но среди
Своихъ богатствъ, весь оглушенный шумомъ
На улицахъ и въ гаваняхъ своихъ,
Средь гордости свободою, добытой
Безъ помощи чужой — онъ, несмотря
На это все, съ такимъ-же братскимъ чувствомъ,
Съ такою-же терпимостью глядитъ
На насъ, сыновъ Израиля...

Сильва.

Торговля
Чтитъ золото, которое успѣлъ
Народъ нашъ скрыть отъ взоровъ Германдада,
Когда сюда бѣжалъ онъ отъ своихъ
Гонителей испанцевъ, португальцевъ.
А если бы на это дѣло вы
Взглянуть еще поглубже захотѣли,
То поняли бъ, что здѣсь глядятъ на насъ
Такъ дружески по двумъ причинамъ... Смѣйтесь,
Іохаи! Да, вашъ Сильва все еще
Старается въ научную систему
То приводить, что̂ разъяснить ему
Хотѣлось бы...

Іохаи.

(*съ принужденной улыбкой, протягивая ему руку.*)

И въ этомъ перемѣны
Не вижу я. Де-Сильва, врачъ, знатокъ
Природы всей, краса науки здѣшней
И—чѣмъ мы такъ гордимся и за что
Благодаримъ—учитель нашъ почтенный,
Не позабылъ еще своихъ методъ
Профессорскихъ...

Сильва.

И благо всѣмъ, кто помнитъ
Значеніе системы. Въ этомъ я
Держусь того, что̂ намъ и Аристотель
Давно сказалъ. Онъ тоже...

Іохаи.

О евреяхъ
Вы начали...

Сильва.

Да, да! И такъ, когда
Голландская республика насъ терпитъ,
Не гонитъ такъ, какъ гонятъ насъ вездѣ
Въ другихъ странахъ—на Рейнѣ, на Дунаѣ,
Въ Испаніи—то этому, какъ я
Могу понять, причины двѣ. Во первыхъ,
Такой народъ, какъ здѣшній, то есть, тотъ
Который чтитъ библейское писанье
И черпаетъ религію свою
Изъ перваго источника, не можетъ
Не чтить и насъ—насъ, въ мрачные вѣка
Язычества, хранившихъ откровенье
Единаго создателя міровъ,
Какъ вѣчную лампаду, насъ, потомковъ
Того царя, изъ племени чьего
Произошелъ ихъ собственный Спаситель.
А во вторыхъ, за насъ ходатай—кровь,
Родившая свободу молодую
Республики голландской; тотъ народъ,
Что на себѣ извѣдалъ муки рабства,
Не станетъ гнать, давить другихъ людей
Изъ-за слѣпыхъ и глупыхъ предразсудковъ.
Голландія создала изъ цѣпей
Мечи себѣ, а изъ мечей, побѣдой
Увѣнчанныхъ, приняться вновь ковать

Такія-же оковы для страдальцевъ
Чужой земли – на это никогда
Народъ прямой и честный не рѣшится.
Вотъ двѣ моихъ причины. И вполнѣ
Увѣренъ я, что за границей наши
Всѣ земляки завидовали вамъ,
Узнавъ, что вы собрались снова ѣхать
Сюда, домой.

Іохаи.

Я самъ считалъ себя
Счастливымъ. Да, съ душой, надежды полной,
Спустился я съ высокихъ, чуждыхъ горъ,
И между тѣмъ, какъ мой корабль лѣниво
Каналомъ плылъ, я на досугѣ сталъ...

Сильва (*перебивая его*).

Съ отрадою мечтать о томъ свиданьѣ,
Что̀ ждало васъ? Вамъ видѣлось уже,
Какъ шла Юдифь на встрѣчу вамъ, не вѣря
Своимъ глазамъ, какъ съ нѣжностью она
Бросалася въ объятья къ другу сердца
И жениху? Не правда ли? Вѣдь вы
Навѣрное ужъ были у Манассе?
Вы видѣлись?..

Іохаи.

Позвольте мнѣ присѣсть (*садится*).

Сильва.

Что съ вами, другъ!.. Мнѣ странно... Вы какъ будто

Изнемогли... Какъ будто бы печаль
Васъ тяготитъ... Скажите, чтò случилось?

Іохаи.

Три дня меня на виллѣ у себя
Манассе принималъ, съ своимъ обычнымъ
Радушіемъ...

Сильва.

Ну, а Юдифь? Она,
Которая была ужъ въ колыбели
Невѣстой вамъ назначена? Она,
Которая ужъ колыбельной пѣснью
Кормилицы вамъ отдана была?
Она—любовь, она—царица ваша?
Какой цвѣтокъ! Да, восхвалять ее
Я не стыжусь, хоть дочь она родная
Моей сестры...

Іохаи.

Ужъ въ колыбели!.. О,
Де-Сильва!.. Мнѣ... мнѣ кажется... что ваша
Племянница... нарушила обѣтъ...

Сильва.

Какъ?

Іохаи.

Въ нѣсколькихъ словахъ вамъ разскажу я,
Чтò видѣлъ самъ. Меня Манассе встрѣтилъ
Съ горячею любовью; сыномъ онъ

Меня назвалъ и говорилъ съ восторгомъ
О вѣрности Юдифи. Вслѣдъ затѣмъ
Расплылся онъ въ разсказахъ о постройкахъ
Своихъ чудныхъ, о паркѣ дорогомъ,
О храмикахъ, о мраморныхъ статуяхъ,
Что̀ для него, по древнимъ образцамъ,
Флоренція и Римъ изготовляютъ,
О Рубенсѣ и Дикѣ, о тѣняхъ,
Игрѣ цвѣтовъ, законахъ перспективы...
Ну, да вѣдь вамъ извѣстно, какъ привыкъ
Онъ золотить Мидасовой рукою
Все, до чего ни прикоснется...

Сильва (*въ сторону*)

Да,
Хоть тутъ не разъ на мѣсто позолоты
Увидишь мѣдь...

Іохаи.

Вы говорите?...

Сильва.

Нѣтъ,
Я ничего... Разсчитывалъ я только,
Что̀ чистый вѣсъ составилъ бы въ такой
Мидасовой рукѣ?.. Его затѣи
Мнѣ далеко не по̀ сердцу...

Іохаи.

Да ихъ
Не очень-то и биржа одобряетъ...

Но пусть его! Мнѣ, видѣвшему въ Римѣ,
Неаполѣ, Парижѣ образцы
Всего того, что̀ на лугахъ голландскихъ
Такъ тщится онъ, бѣднякъ, воспроизвесть—
Мнѣ эти всѣ затѣйливые храмы
Понравились бы очень, появись
Ихъ божество. И я искалъ Юдифи.
Сжигаемый томленіемъ любви,
Я пробѣгалъ по всѣмъ аллеямъ парка
И... послѣ двухъ... двухъ лѣтъ разлуки... я
Нашелъ ее—не одинокой *(встаетъ)*. Въ гротѣ
Изъ раковинъ, укутанномъ плющемъ
И дикими лозами, рядомъ съ нею
Сидѣлъ... сидѣлъ мнѣ чуждый человѣкъ.
Огромная пергаментная книга
Передъ четой безмолвной, на столѣ
Раскрытою лежала... Я поближе
Къ нимъ подошелъ... Юдифь взглянула такъ,
Какъ будто бы хотѣла строгимъ взоромъ
Спросить: „Какъ смѣлъ, нпосвященный, ты
Вступить въ мой храмъ?“ Но вотъ она узнала,
Кто этотъ гость—и съ ложью на лицѣ,
Съ какимъ-то неподвижнымъ взглядомъ, руку
Мнѣ подала холодную какъ ледъ.
Мой ротъ молчалъ, но въ томъ молчаньи ясно
Звучалъ вопросъ: „Кто это?“—и Юдифь:
„Учитель мой“, отвѣтила мнѣ гордо,
Восторженно; и, вслѣдъ затѣмъ, ему
Беззвучно такъ, такъ глухо прошептала:
„Вотъ мой женихъ!“ Онъ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ
И отошелъ... А я, ошеломленный,

Подавленный, рѣшился лишь тогда
Объ имени спросить...

Сильва.

Урьель Акоста
Его зовутъ.

Іохаи.

А! Не дивлюся я,
Что вамъ оно извѣстно тоже... Рѣчи
Прислуги всей, Манассе робкій взглядъ,
Статуи всѣ въ его саду—все ясно
Сказало мнѣ, что я нашелъ Юдифь—
Измѣнницей...

Сильва.

Глубоко, Бенъ-Іохаи,
Я изумленъ. Конечно, все, что̀ вы
Сказали мнѣ, могло вамъ показаться
На первый взглядъ весьма зловѣщимъ... Но,
Повѣрьте мнѣ, на самомъ дѣлѣ очень
Ошиблись вы. Ея холодность къ вамъ
Не есть любовь къ Акостѣ. Какъ все это
Созрѣло, я, живой свидѣтель, вамъ
Могу сказать. Межъ тѣмъ, какъ за границу
Вы ѣздили, мыслитель молодой
Вдругъ прогремѣлъ повсюду громкой славой
Хотя, по мнѣ, онъ только человѣкъ
Съ блистательнымъ умомъ, но не философъ.
Какъ пишетъ онъ—цѣню высоко я;
Что̀ пишетъ онъ—то не считаю мудрымъ,
На языкѣ его до этихъ поръ

Еще звучитъ Опорто милый говоръ;
До этихъ поръ еще такъ чисто онъ,
Изящно такъ по португальски пишетъ,
Какъ будто бы еще вчера онъ жилъ
На берегахъ плѣнительнаго Таго.
Но не лежитъ его душа къ сынамъ
Израиля; къ преданьямъ ихъ священнымъ
Онъ холоденъ; въ купинѣ Божій ликъ
Ему еще ни разу не являлся!
Нельзя сказать, чтобы чуждался онъ
Соотчичей своихъ; но синагогу
Не чевствуетъ совсѣмъ; полу-еврей,
Полу-христіанинъ, паритъ онъ вѣчно
Въ мечтаніяхъ безплодныхъ; на престолъ
Религіи возводитъ онъ сомнѣнье...
И такъ-то вотъ, случайно онъ попалъ
Къ Манассе въ домъ и дочь его опуталъ
Со всѣхъ сторонъ; но то не сѣть любви;
Повѣрьте мнѣ, тутъ дѣйствуетъ лишь разумъ,
Мышленіе, которымъ въ мозгъ ея
Онъ такъ проникъ, что дѣвушка считаетъ
Теперь себя и лучше, и умнѣй
Другихъ людей, и свысока, съ презрѣньемъ
Глядитъ на все житейское. Ее
Такою взять вамъ надобно, какою
Она себя вамъ отдаетъ; а тамъ,
Когда она опять ужъ будетъ ваша—
Измѣнится, повѣрьте мнѣ.

Іохаи.

Любовь
И чувство удивленія—у женщинъ

Одно и то-жъ. Чѣмъ выше удивленье,
Тѣмъ и любовь сильнѣе. Ни за что
Я не хочу стоять въ тѣни другого,
Хотя бъ его и вывела на свѣтъ
Блистательная слава!.. Вандерстратенъ
Совсѣмъ пустой и слабый человѣкъ,
А вы—душа семейнаго совѣта.
Ступайте же туда! Зовите всѣхъ,
Племянниковъ, племянницъ, дядей, братьевъ,
Представьте тамъ Акосту всей роднѣ,
Какъ будущаго зятя...

Сильва.

Бенъ-Іохаи!
Опомнитесь!..

Іохаи.

Коль онъ дороже вамъ,
Чѣмъ родственникъ, такъ поскорѣй берите
Его къ себѣ...

Сильва.

Въ умѣ ли вы, мой сынъ?
Вѣдь о моемъ врагѣ вы говорите...

Іохаи.

Врагѣ?

Сильва.

Врагамъ своимъ я никогда
Дурного не желаю, даже часто
Хорошее желаю. Но чтобъ я
Самъ, собственной рукой, ковалъ имъ счастье,

Да чтобъ еще, вдобавокъ, и въ родню
Ихъ бралъ къ себѣ—нѣтъ, этого не будетъ.
Еще надняхъ здѣсь вышелъ въ свѣтъ трактатъ,
Въ которомъ Уріель, путемъ софизмовъ,
Опровергать старается все то,
Что̀ нѣкогда я самъ писалъ о разныхъ
Вопросахъ богословскихъ. Да, онъ былъ
Мой ученикъ—и вотъ въ борьбу вступаетъ
Съ учителемъ! Трактатомъ этимъ онъ
Связь разорвалъ съ своимъ народомъ, съ вѣрой
Своихъ отцовъ и, значитъ, и со мной.

Іохаи.

Такъ станемте жъ работать вмѣстѣ, Сильва!
Манассе дочь люблю я; это я
Почувствовалъ еще сильнѣй и жгучѣй,
Когда ее увидѣлъ, возвратясь.
Но облако, стоящее межъ нею
И счастіемъ моимъ, должно скорѣй
Разсѣяться; а я, какъ подаянья,
Просить у ней объ этомъ не рѣшусь
Самъ никогда. Хотите вы, де-Сильва,
Явиться передъ нею толмачомъ
Моей души—прекрасно. Благородный
И гордый духъ не станетъ никогда
Самъ за себя просить... Уже стемнѣло...
Идите же... Вы сами вѣдь не прочь,
Я думаю, на виллѣ у Манассе
Поотдохнуть...

Сильва

Послушайте, но мнѣ

Хотѣлось бы, чтобъ ваше подозрѣнье
Яснѣе вы мнѣ доказали... (*Входитъ слуга*).
Что?..
Зачѣмъ пришелъ?.. (*Къ Іохаи*). Простите на минуту.

Слуга.

Тамъ ученикъ какой-то вашъ—его
Лице еще мнѣ памятно—желаетъ
Вамъ слова два сказать, а такъ какъ вы,
Мнѣ помнится, всегда его любили,
То я впустилъ... (*Подходя къ двери*). Пожалуйте сюда.

ЯВЛЕНІЕ II.

Сильва, Іохаи и Уріель.

Іохаи (*въ сторону*).

Онъ самъ!

Сильва (*въ сторону*).

Урьель!

Уріель.

Я помѣшалъ, де-Сильва?
(*Томительное молчаніе*).

Сильва.

Когда пришли вы къ Сильвѣ, какъ врачу,
Пожалуйте! Врачъ долженъ и врагу
Дверь растворять всегда.

Уріель.

Врагу, де-Сильва?..
Къ учителю пришелъ я: я желалъ
Проститься съ нимъ.

Iохаи *(въ сторону).*

Что слышу я? Проститься?

Сильва

(представляя Урiелю Бенъ-Iохаи).

Знакомы вы?

Урiель.

Мы съ нимъ знакомы.

Iохаи.

Я
Такъ изумленъ, признаться: вы сказали,
Мнѣ кажется, что ѣдете?

Урiель.

Туда,
Откуда вы вернулись, Iохаи,
Я завтра же, съ разсвѣтомъ, ѣду. Мнѣ
Желательно увидѣть свѣтъ, увидѣть,
Какъ люди тамъ, въ другихъ земляхъ, живутъ.
А такъ какъ я хотѣлъ проститься съ тѣми,
Кого любилъ, то и пришелъ теперь,
Де-Сильва, къ вамъ—и вотъ вамъ на прощанье
Протягиваю руку...

Сильва *(отталкивая ее).*

Руку ту,
Чтó всѣ плоды моихъ трудовъ усердныхъ
Еще на дняхъ швырнула за окно,
Какъ старое, негодное лекарство?

Урiель.

Де-Сильва, я уже вамъ объяснилъ,

Что я пришелъ не къ доктору, а только
Къ мыслителю. И ежели больна
Мыслительность моя, то вамъ извѣстно,
Что для больной души леченья путь
Единственный есть собственная помощь.

Сильва.

У ногъ моихъ сидѣли вы дитей,
Что̀ значитъ мысль—вы у меня учились,
И вотъ теперь, въ трактатѣ вашемъ, вы
На вашего учителя встаете!

Уріель.

Де-Сильва, я глубоко изумленъ.
Да развѣ *обучать* мышленью можно?
Да развѣ могутъ быть ученики
И ихъ учителя въ той высшей сферѣ
Познанія, гдѣ каждый нашъ принципъ,
Мысль каждая должны рождаться только
Въ крови у насъ, лишь силою ея,
Какъ нѣкогда цвѣтокъ въ крови Аякса.
Я свѣточемъ мышленья освѣтилъ
Догматику евреевъ, это зданье
Старинное, въ которомъ до сихъ поръ
Основою служила смѣсь традицій
Съ писаніемъ священнымъ, свѣтскихъ книгъ
Съ духовными. Я сдѣлалъ это, Сильва,
Не съ мыслію безумной отыскать
Ту истину, которую всѣ люди
Должны признать за истину—о, нѣтъ,
Нѣтъ! Лишь *мое* невѣдѣнье велѣло

Мнѣ говорить; *моя* лишь слѣпота
Велѣла мнѣ смотрѣть и видѣть; слушать
Велѣла мнѣ *моя* лишь глухота.
Да, лишь моя—замѣтьте это, Сильва!
Намъ только въ томъ повѣрить могутъ, въ чемъ
Увѣрены мы сами...

Сильва.

Къ христіанамъ
Вамъ лучше бы ужъ прямо перейти...

Уріель.

Де-Сильва!

Сильва.

Да, тогда Господь еврею
Простилъ бы то, что вѣру предковъ такъ
Позоритъ онъ! Почтеннѣйшихъ, умнѣйшихъ
Людей у насъ глубоко возмутилъ
Послѣдній вашъ трактатъ о нашей вѣрѣ.
Да. Уріель, священныя права
На общую любовь и уваженье
Имѣютъ синагога и ея
Всѣ догматы—и именно теперь,
Когда спаслись мы отъ гоненій смерти,
Теперь, когда впервые наконецъ,
Безъ всякаго стѣсненья, прославленье
Всевышняго летитъ изъ нашихъ устъ,
Какъ жертвенное пламя—неужели
Свобода молодая посвятитъ
Себя на то, чтобъ дерзкою рукою
Все разрушать, что̀ столько, столько лѣтъ

Хранили мы, что̀ въ дни тяжелыхъ бѣдствій
Еврейскаго народа, какъ скала,
Въ его груди лежало неподвижно
Опорою для всѣхъ его надеждъ?
Нѣтъ, никогда! И еслибъ умъ мой смѣлый,
Пытливый мой, самодовольный умъ
Мнѣ прошепталъ: „все это мертво, гнило!“—
Я и тогда, свидѣтель мнѣ Господь,
Остался бъ твердъ, я бредъ мой драгоцѣнный
Не кинулъ бы, какъ въ счастьѣ никогда
Не кинемъ мы слугу, который вѣрно
И преданно въ дни горя намъ служилъ!

Урієль.

Что́ въ васъ я чту, такъ ваше сердце, Сильва!
Въ васъ и любовь родится съ быстротой,
И ненависть. Вамъ даже заблужденья
Простительны—такъ просвѣтляетъ ихъ
Прекрасная душа!.. Трактатъ мой, Сильва,
Какъ вижу я, лишь пробѣжали вы;
Прочтите же его и голословно
Не вторьте вы тому, что̀ вамъ о немъ
Разсказываютъ ваши пацієнты!
Съ намѣреньемъ хорошимъ я пришелъ:
Сказать прости—не ненависти вашей,
Не шаткому философа уму,
Не вашему мышленію, въ которомъ
Не яркій свѣтъ, а только полутьма,
Вотъ, сумерки такія же, какія
Спускаются теперь на землю—нѣтъ,
Лишь съ вашими сѣдыми волосами

Проститься я по дружески пришелъ.
Прощайте же. Я чувствую, что больше
Не свидимся мы съ вами никогда!

Іохаи.

Позвольте мнѣ—хоть не былъ удостоенъ
Я вашею бесѣдой—самому
Ее начать. Быть можетъ, вамъ въ дорогѣ
Могу служить...

Уріель.

Вы черезчуръ добры!

Іохаи.

Пожалуйста, скажите мнѣ... Быть можетъ,
Вы ѣдете въ Парижъ? Съ моимъ письмомъ
Откроются предъ вами двери многихъ
Большихъ домовъ... И точно также я
И въ Лондонѣ...

Уріель.

На югъ я отправляюсь,
Въ Германію, быть можетъ... Гейдельбергъ
Вы знаете? Я поищу долину
Спокойную, гдѣ можно будетъ мнѣ
Вести и споръ, и разговоръ съ ручьями,
Съ цвѣточками, съ зеленою травой
И съ птицами лѣсовъ...

Іохаи *(въ сторону).*

Я отдыхаю!

Сильва.

Ну, и Юдифь пускаетъ васъ?

Уріель.

Юдифь?

Что за вопросъ?..

Сильва.

Она вѣдь ученица

Послушная такая вашей всей

Премудрости!

Уріель.

Теперь ужъ въ школу жизни

Она пойдетъ.

Сильва.

Да, въ лучшую изъ всѣхъ

Для женщины. У будущаго мужа

Воспитанницы вашей, Уріель,

Спросите-ка—онъ вѣрно будетъ мнѣнья

Такого-же...

Уріель.

Нѣтъ, Бенъ-Іохаи, нѣтъ!

И богачу пристало научаться

Презрѣнію къ богатству. Загасите

Всѣ факелы, которые возжечь

Хотите вы на свадьбѣ въ честь невѣсты!

Не нуженъ ей богатства блескъ пустой,

Не нужны ей ни кубки золотые,

Ни серебро... Средь изобилья благъ

Въ дому отца, Юдифь узнала чувство

Отрадное—ни въ чемъ не знать нужды;

Но находить отрадное довольство

Въ самой себѣ—*я* научилъ ее!

(*Постепенно воодушевляясь и увлекаясь*).

А если бы вы все-таки хотѣли
Принять ее подъ крышей золотой,
Одѣть ее во всѣ богатства міра,
Всей роскошью земною окружить—
То этого она вполнѣ достойна!
Она сошла въ земную жизнь съ небесъ,
Въ ней ничего не создано землею!
Сокровище небесное она,
Зарытое межъ вами, свѣтлый ангелъ,
Которому вдругъ вздумалось придти
На землю къ намъ и нашимъ притвориться.
Не трогайте ее рукою той,
Которая за нѣсколько, быть можетъ,
Еще минутъ, въ металлѣ гнусномъ рылась!
Молиться ей должны вы, подходить
Какъ къ божеству!.. О, поскорѣй отсюда!
Мысль... мысль о томъ, что́ остается здѣсь,
У васъ въ рукахъ, не облегчитъ прощанья...
О, поскорѣй!—и помоги мнѣ Богъ!

(*Бросается къ дверямъ, которыя въ эту самую минуту отворяются*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Входятъ **два служителя синагоги,** съ большими зажжеными свѣчами: за ними **раввинъ Сантосъ** съ книгою.

Сантосъ (*въ сторону*).

Акоста? Здѣсь?

Сильва *(въ сторону).*

Раввинъ!

Іохаи *(въ сторону).*

Что это значитъ?

Сантосъ.

Побудьте здѣсь, Акоста, пять минутъ,
Чтобъ самому услышать, съ порученьемъ
Какимъ пришелъ я къ Сильвѣ...

Сильва.

Съ порученьемъ?
Ко мнѣ, раввинъ?.. И эти свѣчи...

Сантосъ.

Вы
Удивлены? Еще не ночь—а свѣчи
Уже въ рукахъ? Узнайте жъ, эти свѣчи
При свѣтѣ дня—Акосты гордый умъ,
Чтò хочетъ быть свѣтлѣе Откровенья!

Уріель.

И такъ, раввинъ—чтò долженъ я отъ васъ
Услышать здѣсь?

Сантосъ.

Де-Сильва, синагога
Прислала къ вамъ вотъ эту книгу—къ вамъ,
Какъ знатоку глубокому и вѣры,
И всѣхъ святыхъ источниковъ ея.
Васъ проситъ синагога—эту книгу

Изслѣдовать по совѣсти; но судъ
Произносить не съ точки философской;
Нѣтъ, только вы изслѣдовать должны,
Согласна ли она съ еврействомъ чистымъ
И можетъ ли дерзнувшій написать
Такой трактатъ, считаться межъ сынами
Іакова, надежду возлагать
На вѣчное спасенье?..

Сильва.

Принимаю
Съ почтительной признательностью честь
Высокую...

Сантосъ.

Коль точно эти свѣчи—
Душа того, кто авторъ книги, то
Желаетъ знать святая синагога,
Возможно ли позволить, чтобъ она
Нечистый свѣтъ лила средь океана
Свѣтильниковъ чистѣйшихъ? Вотъ она.
Совѣту Трехъ угодно чрезъ недѣлю
Вашъ приговоръ услышать. А теперь
Я попрошу роспиской въ полученьѣ
Меня снабдить.

(*Отдаетъ книгу Сильвѣ, который раскрываетъ ее и съ испугомъ видитъ, что это—сочиненіе Акосты*).

Уріель.

Ну, что жъ, де Сильва? Чтó
Смутило васъ? Скажите откровенно—
Вѣдь это мнѣ слѣпой вашъ фанатизмъ

Грозитъ теперь уничтоженьемъ свѣта
Моей души?..

Сильва.

Да, обвиненный—вы...
Вы, Уріель...

Сантосъ.

Я слышу тонъ участья
И жалости?.. Де-Сильва, эта книга
Должна для васъ быть только книгой; авторъ
Вамъ незнакомъ.

Сильва.

Раввинъ почтенный, вотъ
Росписка въ томъ, что это порученье
Прискорбное и важное отъ васъ
Я получилъ... Акоста! Трепетъ страха
Объемлетъ насъ, когда вручаетъ Богъ
Бразды судьбы, но не чужой, а *нашей*,
Самимъ же намъ и дѣлаетъ изъ насъ
Рѣшителей и собственнаго счастья,
И собственныхъ несчастій... Каково жъ,
Подумайте, тому, кто сталъ судьею
Чужой судьбы, кого избралъ Господь
Рѣшителемъ *чужого* назначенья!..
Мнѣ очень жаль, Акоста, что вполнѣ
Я вѣрую въ призванье свыше—часто
Господній перстъ усматриваю въ томъ,
Чтò человѣкъ велитъ мнѣ... Эту книгу
Мнѣ мой народъ прислалъ—и я ее
Изслѣдую по Торѣ и Талмуду.

(Уходитъ; за нимъ слѣдуютъ Сантосъ и слуги).

Іохаи.

Вы смущены, Акоста? Что̀ же такъ
Тревожитъ васъ? Вѣдь вы рѣшились ѣхать;
Такъ пусть они тутъ осуждаютъ васъ—
Вамъ все равно. Когда другіе люди,
Обычаи другіе примутъ васъ
Въ свою среду—какое бы рѣшенье
Отсюда вамъ ни возвѣстили—все
Покажется вамъ басенкой пустою...
Прощайте же, счастливаго пути! (*Уходитъ*).

Уріель.

Ты думаешь, что и теперь, въ угоду
Тебѣ, уйду я въ дальніе края?
Ты думаешь, что если малодушно
Рѣшился я избавить и Юдифь,
И самаго себя отъ битвы сердца,
То и теперь трусливо побѣгу
Предъ битвою ума?.. О, нѣтъ, Іохаи,
Ошибся ты! Кто ратовать готовъ
За истину, тотъ не попретъ ногами
Прекраснѣйшихъ лучей въ ея вѣнцѣ—
Огня борьбы, который возжигаетъ
Въ насъ истина... Бѣжать теперь? О, нѣтъ!
Останусь я, хотя бъ разбилось сердце! (*Уходитъ*).

———

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ на виллѣ Манассе. Въ задней части сцены эстрада, на которую ведетъ нѣсколько ступенекъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Манассе (читаетъ бумагу) и **Симонъ.**

Манассе.

Не можетъ быть! Никакъ не можетъ быть,
Чтобъ онъ пришелъ!.. Де-Сильва, Бенъ-Іохаи,
Де-Кастро, ванъ-деръ-Эмбденъ—это все,
Какъ слѣдуетъ... Но это, это имя...

Симонъ.

Въ число гостей вписала ваша дочь.

Манассе.

Не можетъ быть! Она не знаетъ развѣ
Его бѣды?

Симонъ.

Вотъ и сама она;
Вы можете спросить ее объ этомъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Манассе и Юдифь.

Юдифь.

Ну, наконецъ! Какъ можно оставлять
Такъ долго насъ? Давно ужъ вамъ пора бы
Въ своемъ саду, подъ крышею родной,
Стряхнуть съ себя пыль амстердамской биржи!

Манассе.

Что́ изъ того, когда меня и здѣсь
Привѣтствуютъ заботы?

Юдифь.

Развѣ праздникъ
Я здѣсь не такъ устроила, какъ вы
Устраивать его въ концѣ недѣли
Имѣете привычку? Развѣ я
Не позвала гостей обычныхъ вашихъ?

Манассе.

Какъ ты могла Акосту пригласить?

Юдифь.

Онъ не былъ здѣсь ужъ цѣлую недѣлю!

Манассе.

Да развѣ я тебѣ не написалъ,
Что ждетъ его проклятье синагоги?

Юдифь.

Вотъ именно поэтому его
Я позвала.

Манассе.

Межъ тѣмъ, какъ остальные
Его бѣгутъ...

Юдифь.

Я только потому
Ищу его.

Манассе.

Онъ не придетъ, надѣюсь,
Сообразивъ, что если этотъ зовъ
Произвела простая деликатность,
То вдвое деликатнѣе ему
Не слѣдовать...

Юдифь.

Съ какихъ же поръ Манассе
Такъ набоженъ? Съ какихъ же это поръ
Другъ Рубенса, Ванъ-Дика синагогу
Такъ слѣпо чтитъ? (*Указывая на статуи, стоящія въ саду*).
Статуи эти всѣ
Пророкъ Илья и прочіе пророки
Разрушили бъ, конечно, потому,
Что ихъ законъ еврейскій отвергаетъ!
Не вѣрю я, чтобъ не хватило въ васъ
И мужества, и силы—вмѣсто красокъ
И мрамора, брать подъ свою защиту
Живыхъ людей!

Манассе.

Я здѣсь извѣстенъ всѣмъ
Какъ человѣкъ, свободно говорящій
И мыслящій, и я горжуся тѣмъ,
Что въ судный день*), въ одеждѣ покаянья
Еще никто Манассе не встрѣчалъ.
Врагъ всякой лжи, давно ужъ я открыто
Принадлежу къ всеобщей вѣрѣ тѣхъ
Мыслителей свободныхъ, для которыхъ
Главнѣйшая задача—черпать все
Хорошее изъ лучшаго въ ученьяхъ
Сократовомъ, Мойсеевомъ, Христа.
Но тамъ, Юдифь, гдѣ начинаютъ пренья
Озлобленно взрывать и пыль, и прахъ
Изъ-за пустыхъ и старыхъ предразсудковъ,
Лежащихъ искони на массѣ всей—
Тамъ я—слуга господствующей вѣры
И не могу враждебно презирать
Обязанности внѣшнія...

Юдифь.

Художникъ
Въ почетѣ здѣсь, мыслителя—бѣгутъ
Съ трусливымъ малодушьемъ!..

Манассе.

Нынче слухи
Ко мнѣ, Юдифь, доходятъ, будто ты—
Секретная причина уваженья

---

*) Главный еврейскій постъ.

Акосты къ намъ... Двѣ вещи, дочь моя,
Мнѣ дороги особенно. Во первыхъ,
Мой мирный домъ, домашнее мое
Спокойствіе, и счастье, и довольство.
А во вторыхъ, тотъ голосъ, что̀ зовутъ:
„Народа гласъ“; входить въ его оцѣнку
Я не хочу; онъ *есть*—и я ему
Покорно повинуюсь.

Юдифь.

Значитъ, въ жизни
Художество и правда не идутъ
Однимъ путемъ!

Манассе.

Неумолимо строги
Всѣ требованья жизни и ея
Обычаевъ. По нашему закону
Съ Іохаи ты давно обручена,
И потому, Юдифь, необходимо,
Чтобъ рядомъ съ нимъ явилась ты въ кругу
Своихъ родныхъ...

Юдифь.

И... батюшка... вся эта
Комедія...

Манассе.

Сегодня же...

Юдифь.

Отецъ!

Манассе.

Юдифь моя, я зна̀ю, что Іохаи
Въ твоихъ глазахъ не тотъ женихъ, какой
Является невѣстѣ въ Пѣснѣ Пѣсенъ.
Но... требованья жизни, дочь моя!
Передъ людьми должны вы появиться
Рука съ рукой, какъ нѣжная чета,—
А тамъ ужъ вы сводите ваши счеты
Наединѣ, сердцами...

Юдифь.

И сводить,
По вашему, легко ихъ точно такъ же,
Какъ вы итогъ подводите своимъ
Торговымъ операціямъ?

Манассе.

Довольно!
На празднествѣ сегодня Уріель
Не долженъ быть. Юдифь, весьма серьезно
Я говорю. Не разсерди меня!
Ты знаешь вѣдь—препятствій слишкомъ важныхъ
Я на своей дорогѣ не люблю.

(Уходитъ на террасу).

ЯВЛЕНІЕ III.

Юдифь. *(одна).*

О, практика житейская, которой
Я не могу ни разумомъ понять,
Ни чувствами души моей постигнуть!..
О, Боже мой! Безстыдно лгать лицемъ,

Играть въ любовь предъ тѣмъ, кто ненавистенъ,
И ненависть выказывать къ тому,
Кто пламенно любимъ!.. Идетъ... Я слышу
Его шаги... Ужъ отворяетъ дверь...
Ужъ быстрыми шагами по аллеѣ
Идетъ ко мнѣ... Мои цвѣты ему
Привѣтливо киваютъ... Неужели
Я дочерью холодною отца
Холоднаго останусь? Чтó мѣшаетъ
Мнѣ горячо прижать его къ груди,
Сказать ему въ блаженномъ упоеньѣ,
Какъ глубоко, какъ свято я люблю?
Нѣтъ, на душѣ оковы малодушья
Еще лежатъ... Нѣтъ, видно, для того,
Чтобъ пріобрѣсть себѣ святое право—
Разрушить разногласье между тѣмъ,
Чтȯ говорятъ глаза и шепчетъ сердце,
Чтó шепчетъ взоръ и произноситъ ротъ—
Необходимъ поступокъ гордый, смѣлый,
Передъ лицомъ людей... Я ничего
Не сдѣлала еще... и я не смѣю...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Уріель и **Юдифь.**

Уріель.

Мой другъ, сюда я потому пришелъ,
Что этого желали вы; надѣюсь
Не встрѣтить здѣсь чужихъ...

Юдифь.

Лишь потому,
Что *я* того желала, вы явились?
Гдѣ жъ были вы все это время? Чѣмъ
Я васъ бѣжать заставила?.. О, Боже!
Чего, чего ужаснаго ко мнѣ
За эти дни молва не приносила!

Уріель.

О диспутѣ съ раввинами?..

Юдифь.

Что́ мнѣ
До диспута, до вашихъ всѣхъ раввиновъ?
Нѣтъ, Уріель! Хотѣли вы бѣжать!..
Скажите мнѣ, ужели это правда?
Ужели вы могли жестоко такъ,
Внезапно такъ исчезнуть?

Уріель.

Успокойтесь.
Я васъ прошу, оставьте этотъ тонъ
Привѣтливый и дружественный. Будьте
Тѣмъ, чѣмъ должны вы быть—женой Іохаи.
Вѣдь ужъ не разъ объ этомъ съ вами мы
И рѣчь вели, и плакали надъ этимъ—
Къ чему опять касаться старыхъ ранъ?

Юдифь.

Я не хочу, чтобъ вы меня учили
Безропотной покорности!

Уріель.

Юдифь!

Юдифь.

Да, не хочу! Я васъ возненавижу
За этотъ тонъ смиренный...

Уріель.

Но, Юдифь,
Вы знаете, семейное начало
Царитъ у насъ въ народѣ; говоритъ
Отецъ: *хочу*, и дѣти исполняютъ
Съ покорностью слѣпою. Наша жизнь—
Закрытая темница...

Юдифь.

Говорите
Вы это все, Акоста, въ тѣ часы,
Когда съ своимъ холоднымъ, злымъ сомнѣньемъ
Наединѣ вы бродите! Но здѣсь,
Здѣсь, въ томъ саду, гдѣ вы въ меня вдохнули
Теплѣйшую, чудеснѣйшую жизнь—
Здѣсь не должны вы говорить объ этомъ!
О, Уріель, вѣдь мы въ аллеѣ той,
Гдѣ съ вами я такъ часто проходила,
То на одинъ, то на другой цвѣтокъ
Указывая вамъ... Вы принимались
Разсматривать, вы говорили мнѣ
Названіе его, вы приносили
Диковинныя стекла, вы сквозь нихъ
Показывали, какъ природа духу
Покорствуетъ, какъ много скрыто силъ

Въ простомъ кремнѣ, въ растеніи, въ металлѣ...
Такъ неужли жъ *у насъ*, у насъ въ душѣ
Все умерло?.. Нѣтъ, Уріель, неправда!
Ты лѣстницу небесную возвелъ
Передо мной,—и вотъ, когда въ эфирѣ
Я плаваю, когда моя душа
Паритъ, полна святого просвѣтленья,
Ты лѣстницу отдернуть хочешь? Нѣтъ,
Я не могу пойти путемъ обратнымъ,
Нѣтъ, не могу смѣшаться я съ толпой!

Уріель.

Юдифь, Юдифь! Горячими слезами
Написано на каждомъ лепесткѣ
Твоихъ цвѣтовъ все то, чѣмъ другъ для друга
Мы сдѣлались... Но этому не быть,
И этого не будетъ... Я считалъ бы
Себя безчеловѣчнымъ, еслибъ скорбь
Моей души не подавивъ безъ стона,
Безъ ропота, привелъ тебя туда,
Гдѣ сходятся двѣ разныя дороги,
И тамъ сказалъ жестоко: „здѣсь должна
Рѣшиться ты на выборъ иль погибнуть!“
Ты знаешь ли, что̀ мнѣ грозитъ теперь?
Суровый судъ, изгнаніе, проклятье!
Проклятаго любить ты не должна!
Да, не должна! Проклятье это честью
Считаю я, но никого на свѣтѣ
Не допущу дѣлить его со мной!

Юдифь.

Не можетъ быть, чтобъ лучшихъ изъ народа
Сурово гналъ ихъ собственный народъ!

Уріель.

Не можетъ быть, но будетъ... Дорогая
Моя Юдифь... *(беретъ ея руку).* Въ послѣдній разъ
прощай!

(Увидѣвъ входящаго Бенъ-Іохаи).

Іохаи здѣсь? И гости всюду?.. Значитъ,
Мы не одни... Юдифь, какая цѣль?
Воздать мнѣ честь?.. Но только униженье
Мнѣ принесетъ весь этотъ пестрый рой!

ЯВЛЕНІЕ V.

Бенъ-Іохаи, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ сошедшій съ террасы, за нимъ **гости**, въ праздничныхъ нарядахъ; черезъ нѣсколько времени **Манассе** и **де-Сильва.**

Іохаи *(Акостѣ).*

Такъ вотъ вы какъ навѣки распростились!
А я считалъ, что въ Гейдельбергѣ вы
Уже давно и птицъ лѣсныхъ мышленью
Тамъ учите...

Юдифь.

Къ чему ему спѣшить,
Когда и здѣсь *(указывая на павлинье перо на шляпѣ Іохаи).*
павлины есть, которымъ
Уроки тѣ полезнѣй и нужнѣй!

(Беретъ Уріеля за руку и уводитъ его на террасу. Въ отдаленіи слышится музыка).

Іохаи *(одинъ).*

Въ послѣдній разъ въ меня презрѣньемъ гордымъ
Ты кинула! О, какъ сладка та месть,

Которую намъ щедро посылаетъ
Сама судьба, снимая этимъ съ насъ
Обязанность—самимъ раздуть зловѣщій
Ея огонь... (*Манассе и Сильва показываются на террасѣ*).

Манассе.

Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть!

Сильва.

Терпѣніе! терпѣніе!

Манассе.

Какая
Ужаснѣйшая дерзость! Строго такъ
Я запретилъ...

Сильва.

Умѣрьте гнѣвъ и лучше
Ступайте-ка, чтобъ гостя охранить
Отъ грустнаго скандала. Вѣдь покамѣсть
Синедріонъ еще не произнесъ
Надъ нимъ суда.

Манассе.

Общественнымъ приличьемъ—
Какъ Уріель конечно могъ бы знать—
Руководитъ не судъ, а предразсудокъ.
(*Уходитъ въ комнаты. Сильва сходитъ съ террасы*).

Іохаи.

Я изумленъ, де-Сильва! Неужли
Вы мнѣніе свое перемѣнили?

Сильва.

Предупреждать судейскій приговоръ
Никто, нигдѣ не властенъ.

Іохаи.

Что́ я слышу?
Такъ говоритъ де-Сильва—человѣкъ,
Его трактатъ предавшій осужденью?

Сильва.

Предавшій осужденью? Развѣ я
Кому-нибудь мой взглядъ на это дѣло
Ужъ сообщилъ открыто?

Іохаи.

Сильва! Здѣсь
Извѣстно всѣмъ, что вы ужъ заявили
Совѣту синагоги ваше мнѣнье,
И мнѣнье то: „Акоста не еврей!“

Сильва.

Мои слова вы толковать хотите
По своему... я вижу, вы меня
Не поняли... Оставьте это...

Іохаи.

Понялъ
Я хорошо, что онъ находитъ въ васъ
Защитника...

Сильва.

Да полно! Я нисколько

Его не защищаю... А межъ тѣмъ...
Да, сознаюсь... почти повѣрить можно,
Что я переродился! Да, мой другъ,
Послушайте, какія ощущенья
Я пережилъ, когда его трактатъ
Изслѣдовалъ...

Іохаи. *(Въ сторону).*

О, что-то я услышу!

Сильва.

Въ мой кабинетъ я заперся, и тамъ,
Уединясь, сидѣлъ надъ этой книгой
И день, и ночь—и что жъ? чѣмъ больше я
Читалъ ее, чѣмъ больше углублялся
Въ ея слова, тѣмъ на душѣ моей
Чуднѣе и чуднѣе становилось...
Я чувствовалъ: мыслитель воскресалъ
Опять во мнѣ, подъ мощнымъ обаяньемъ
Волшебныхъ чаръ... И каждый разъ взывалъ
Я самъ къ себѣ: „Нѣтъ, это невозможно!
Священникамъ не выдашь ты его,
Заблудшаго; ты не имѣешь права
Ученика Платона выдать имъ!“
И въ Торѣ, и въ Талмудѣ мнѣ хотѣлось
Отъ всей души найти одну хоть мысль,
Согласную съ той мудростью глубокой,
Чтó я встрѣчалъ въ трактатѣ на ряду
Съ неправдою и ложнымъ увлеченьемъ...
Но поиски мои остались всѣ
Безплодными—а такъ какъ я поклялся

По Торѣ и Талмуду этотъ грудъ
Изслѣдовать, то написалъ я только
Въ концѣ его, что „авторъ не еврей“.

Іохаи.

Да знаю я; но согласитесь сами—
Тутъ смыслъ двойной...

Сильва.

Нисколько! Написалъ
Я только то, чѣмъ осужденью преданъ
Онъ, какъ еврей. Но... но еврей ли онъ?
Обязанъ ли склониться онъ покорно
Подъ тягостнымъ проклятьемъ, подъ такимъ
Позорнѣйшимъ гоненьемъ? Нѣтъ! Акоста,
Коль хочетъ онъ, имѣетъ право звать
Себя христіаниномъ!

Іохаи.

Какъ, де-Сильва?..

Сильва.

И вы тогда могли бы возвратить
Себѣ Юдифь...

Іохак.

Что слышу я? Акоста—
Христіанинъ?

Сильва.

Его отецъ давно,
Еще живя въ Куэнсѣ, окрестился
И воспиталъ дѣтей въ монастырѣ.

Потомъ, когда они сюда вернулись,
То сдѣлались евреями опять.
Послѣдовалъ ли этому примѣру
И Уріель? Онъ властенъ называть
Себя христіаниномъ, если хочетъ.

Іохаи.

Христіанинъ?.. Но это навсегда
Должно его отторгнуть отъ Юдифи!

Сильва.

Конечно такъ... И потому, скорѣй
Спасемъ его. Вы—по смертельной злобѣ—
Іохаи, я не осуждаю васъ,—
А я?.. И такъ, за дѣло. Здѣсь, въ аллеѣ
Побудьте вы. Синедріонъ узналъ,
Какъ слышалъ я, что Уріель Акоста
Въ числѣ гостей Манассе, и сюда
Раввинъ придетъ съ проклятьемъ синагоги.
Мнѣ слѣдуетъ держаться въ сторонѣ.
А вы, когда начнется эта сцена,
Появитесь и скажете ему:
„Акоста, ты христіанинъ!“ И этимъ
Вы пищу всю у ревности своей
Отымете: вѣдь ни за что на свѣтѣ
Не станетъ христіанкою Юдифь...
А я, хотя не вѣрящій ни мало
Тому, во что стремится Уріель
Увѣровать, но полный уваженья
Къ мыслителю—я этимъ отъ себя
Стыдъ устраню,—краснѣть передъ Платономъ.

(*Уходитъ. Іохаи радостно слѣдуетъ за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Манассе и другіе гости сходятъ съ террасы. **Юдифь** и **Уріель** выходятъ съ другой стороны.

Манассе.

Что, Симонъ, что? Раввинъ де-Сантосъ здѣсь?

Уріель. *(входя съ Юдифью).*

Да, это онъ...

Юдифь.

Такъ что жъ такое? Вы
Испуганы?.. Не стыдно ли? Гдѣ Сильва?

(*Музыка, игравшая въ отдаленіи все это время, умолкаетъ*).

Что жъ музыка? Зачѣмъ замолкли вы,
Посредники сердецъ пустыхъ и жалкихъ?

Уріель.

Юдифь, Юдифь, смотрите, онъ пришелъ!

(*Раздаются звуки рожка; всѣ въ испугѣ оборачиваются къ террасѣ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и раввинъ **Сантосъ** въ сопровожденіи четырехъ раввиновъ, которые держатъ у рта маленькіе рожки и издаютъ продолжительные, торжественные звуки. Они остаются на террасѣ. Впослѣдствіи **Іохаи** и **Сильва.**

Манассе.

(*Послѣ того, какъ звуки рожка умолкнутъ*).

Предвѣстники проклятія! И это
Въ моей типи блаженной...

Сантосъ.

(*торжественно съ террасы*).

Звукъ рожка
Привѣтствуетъ собравшихся! Припомнимъ
Тотъ день, когда отецъ нашъ Авраамъ
Хотѣлъ заклать родного сына въ жертву
Всевышнему. Но рекъ ему Господь:
„Оставь его и вмѣсто сына въ жертву
Мнѣ принеси козла, который здѣсь,
Невдалекѣ, рогами зацѣпился
За кустъ лѣсной“. И сына Авраамъ
Освободилъ, и вмѣсто человѣка
Невиннаго и праведнаго, онъ
Животное заклалъ... О, братья, каждый,
Кто Господу Израиля служить
Всегда готовъ—пусть отойдетъ сейчасъ же
На сторону! Господь не хочетъ жертвъ
Изъ праведныхъ потомковъ Авраама...
И только ты, Акоста, только ты
Останешься одинъ!

(*Всѣ отходятъ отъ Уріеля; Юдифь медлитъ*).

Сантосъ.

А дочь Манассе?
Иль Господу Израиля служить
Не хочешь ты?

(*Юдифь медленно отходитъ и присоединяется къ остальнымъ*).

Уріель (*въ сторону*).

Такъ! И она!.. Всесиленъ
Магнитъ бреда безумнаго. (*Сантосу*) Раввинъ,

Не кажется ль тебѣ, что на Синаѣ
Ты здѣсь стоишь? Какой же Моисей
Избралъ тебя карающимъ орудьемъ
Своихъ рѣчей? Распоряжаться мной
Кто далъ тебѣ и власть, и полномочье?

Сантосъ.

Коль ты еврей, то понимаешь, кто:
Всевышній Богъ!

Іохаи *(выступаетъ впередъ).*

Скажите, что такое
Случилось здѣсь?.. Де-Сантосъ, неужли
Вамъ хочется отвѣтственности тяжкой
Подвергнуть насъ? Вѣдь если Амстердамъ
Далъ право намъ чинить свою расправу,
Чинить свой судъ по правиламъ святымъ
Еврейскаго закона—то позволилъ
Онъ это намъ по отношенью лишь
Къ соотчичамъ-евреямъ, а Акоста—
Христіанинъ.

Всѣ.

Христіанинъ!

Юдифь.

О, Боже!

Іохаи.

И вы его хотите проклинать?
Христіанинъ не подлежитъ проклятью
Израиля.

Юдифь (*въ сторону*).

То, чтò его спасло,
Меня убьетъ.

Сантосъ.

Коль Уріель Акоста—
Христіанинъ, смолкаютъ передъ нимъ
Мои уста. (*Благословляя руками остальныхъ*).
Да ниспошлетъ Всевышній
На сыновей Израиля и миръ,
И благодать!

Уріель.

Кто утверждаетъ это?
Кто говоритъ?..

Іохаи.

Отецъ твой ужъ давно
Со всѣмъ своимъ семействомъ вѣру предковъ
Перемѣнилъ, и никакимъ еще
Торжественнымъ обрядомъ не заявленъ
Вашъ переходъ обратный къ сыновьямъ
Іакова... Вы, Уріель Акоста—
Христіанинъ. Большою честью мы
Должны считать, что вы въ гостяхъ у вашихъ
Покорнѣйшихъ рабовъ...

Манассе.

Идемъ же! Пиръ
Насъ ждетъ давно. *Христіанинъ* Акоста
Насъ извинитъ, что въ пищѣ и питьѣ

Обязаны мы строго подчиняться
Обычаямъ народнымъ...

Урiель.

Вотъ какъ! Я—
Христiанинъ?.. Надменною насмѣшкой
Вы для меня, я вижу, отворить
Хотите дверь фальшиваго участья?
Такъ слушайте жъ. Уже ребенкомъ я
Былъ окрещенъ внезапно. Не священникъ
Къ религiи Христовой обратилъ
Отца и мать, меня, сестеръ и братьевъ;
Не золотомъ, не почестями насъ
Къ ней привлекли—нѣтъ, крестными отцами
Служили намъ лишь слуги-палачи
Святѣйшей инквизицiи. Насильно,
Семь лѣтъ, въ одну изъ христiанскихъ школъ
Гоняли насъ, дорогу освѣщая
Горящими кострами... Вѣчный страхъ
Лежалъ на насъ, и если страхъ—источникъ
Религiи, то упрекнуть никто
Не могъ насъ въ томъ, что мы не христiане!..
Но между тѣмъ—привычка ли тому
Была виной иль что нибудь другое—
Мой умъ свѣтлѣлъ, и тѣмъ, чтò я теперь,
Я сдѣлался лишь подъ влiяньемъ новой
Религiи. Я видѣлъ предъ собой
Открытымъ путь свободнаго развитья
Всѣхъ чувствъ моихъ и мыслей; я себя
Ужъ сознавалъ свободнымъ *человѣкомъ*,
Я могъ любить то, что любили всѣ,

Боялся я того, что̀ страхъ вселяло
Во всѣхъ людей и, также какъ они,
Я ощущалъ въ себѣ біеніе пульса
Всѣхъ славныхъ дѣлъ и каждое дыханье
Исторіи. Я португальцемъ былъ,
Отечество, существованья право. —
Я все имѣлъ!.. Но вотъ моя семья,
И я за ней, бѣжали въ Нидерланды.
Лишь здѣсь, въ странѣ терпимости, они
Свободными сочли себя, и каждый
Изъ нихъ спѣшилъ стереть съ себя пятно
Крещенія. Отецъ служилъ примѣромъ
Для сыновей, для матери, и всѣ
Въ моей семьѣ теперь опять—евреи.
Примѣру ихъ послѣдовалъ ли я?
Вы спросите. Скажу вамъ откровенно:
Охотно бы я отдался тому,
Что̀ обще всѣмъ, оставилъ отчужденность
Еврейскую и погрузился весь
Въ живой потокъ движенья мірового.
И воленъ былъ я это сдѣлать- но
Не дѣлаю... А отчего? Объ этомъ
Не спрашивайте. Отчего, когда
Къ Іосифу въ Египетъ тѣ же братья
Пріѣхали, что̀ продали его—
Заплакалъ онъ отъ радости и счастья?
Что̀, не смотря на отвращенье наше
Къ той ветоши, которую съ собой,
Мы принесли съ востока, какъ обычай,
Связуетъ насъ, какъ братьевъ, между тѣмъ
Какъ часто мы по виду только братья?

Союзъ нашъ ветхъ; честь націи одна
Еще хранитъ его отъ разрушенья,
И эта честь велитъ мнѣ вашимъ быть!
Въ Голландіи васъ терпятъ, это правда,
Здѣсь смотрятъ всѣ на васъ, какъ на людей;
Но все-таки вы только робкимъ стадомъ
Живете тутъ испуганной толпой,
Дрожащею предъ каждымъ мановеньемъ,
Передъ любымъ капризомъ христіанъ.
Малѣйшее, пустое подозрѣнье—
И снова вы, какъ предокъ Агасферъ,
Должны идти, идти безъ остановки,
Безъ отдыха, съ проклятьемъ на челѣ!..
И что жъ? Межъ тѣмъ, какъ вы свой путь тяжелый
Свершаете, снося и пыль, и зной—
Мнѣ возлежать въ тѣни густыхъ деревьевъ,
На зелени роскошной? Нѣтъ, страдать
Съ страдальцами хочу я. На проклятье
Имѣете вы право: я еврей!

Сантосъ.

Коль ты еврей лишь для того, чтобъ дерзко
Надъ нами издѣваться—лучше бъ ты
Остался въ христіанствѣ. Сочиненье
Твое у насъ ужъ предано огню,
А на тебя обрушилось проклятье!
Твоихъ молитвъ не слышатъ небеса,
Твой каждый взглядъ отраву разливаетъ,
Дыханіе—смертельная чума.
Внемли жъ теперь, внемли проклятью, грѣшникъ!
Въ какую бъ дверь ни постучался ты,
Ее тебѣ пусть отворяетъ только

Рука врага! Когда ты заболѣешь,
Пускай тебѣ въ стаканѣ каждомъ ядъ
Подносится! Когда же ангелъ смерти
Придетъ къ тебѣ—умри въ глухой степи,
Въ мученіяхъ невыразимыхъ.

Всѣ *(опустивъ головы).*

Горе!

Сантосъ.

Блуждай слѣпцомъ, и проклятъ будетъ тотъ,
Кто посохомъ снабдитъ тебя! Когда же
Ты упадешь, пусть подъ тобой земля,
Разверзнувшись, тебя поглотитъ...

Всѣ.

Горе!

Сантосъ.

Ты церковью навѣки отлученъ.
Черезъ мое посредство проклинаетъ
Она тебя и чрево, коимъ ты
Рожденъ на свѣтъ...

Уріель (*въ сторону*).

О, мать моя!

Сантосъ.

Проклятье
Твоимъ друзьямъ, которые тебя
Въ несчастіи безпомощнымъ не кинутъ!
Проклятіе всему, въ чемъ есть къ тебѣ
Сочувствіе малѣйшее! Проклятье

И смерть всему, что̀ подойдетъ къ тебѣ,
Что̀ тронешь ты нечистою рукою!
Изсохнешь ты въ томленьѣ по любви,
Не встрѣтивши ни разу въ женскомъ сердцѣ
Горячаго привѣта...

Юдифь.

(быстро выступаетъ изъ толпы).
Лжешь, раввинъ!

Манассе.

Какъ! Дерзкая!

Сильва.

Іохаи, уведите
Ее скорѣй!

Іохаи.

Измѣнница!

Юдифь.

Да, да,
Себѣ самой и вамъ я измѣняю!
Измѣна вамъ есть вѣрность небесамъ!..
Несчастные безумцы! Проклинайте
Вы тѣхъ боговъ, которыхъ оба мы
Чтимъ всей душой! Лишь эти боги святы
И истинны! Учитесь вѣрить въ нихъ,
Молиться имъ—и, проклиная, знайте,
Что *онъ* любимъ! *(бросается въ объятія Уріеля).*

Сантосъ.

Двѣ жертвы видитъ здѣсь

Передъ собой святая наша церковь!
О, братія! Кто чистъ душой, тому
Нельзя стоять на оскверненномъ мѣстѣ!

(Сходитъ съ террасы во своими провожатыми и удаляется. Гости въ испугѣ и унынiи слѣдуютъ за нимъ).

Iохан (*къ Манассе и Юдифи*).

Вопросъ религiозный для меня
Не важенъ здѣсь; людское только вижу
Я передъ собой—измѣну. Но въ боговъ,
Отъ древности живущихъ, вѣру тоже
Имѣю я—боговъ, что̀ учатъ насъ
Сладчайшему на свѣтѣ чувству: мщенью! (*Уходитъ*).

Манассе.

Какъ этотъ сонъ окончится и какъ
Все то, что̀ здѣсь свершилось, разрѣшится
На практикѣ житейской—это я
Не знаю самъ и все предоставляю
Рѣшить тому, что̀ управляетъ мiромъ—
Злорадостной случайности... Юдифь,
Дитя мое! Ахъ, не легко намъ будетъ
Опять попасть на прежнiй, старый путь!..
Вы, Урiель, покамѣсть оставайтесь
Здѣсь, у меня на виллѣ, вмѣстѣ съ вашимъ
Проклятiемъ! Останьтесь здѣсь, среди
Богинь и музъ: онѣ отъ васъ конечно
Не побѣгутъ! Мнѣ жъ надо въ Амстердамъ
Сейчасъ спѣшить... Юдифь, и ты поѣдешь
Туда со мной—приличья нарушать
Не слѣдуетъ. А тамъ ужъ—какъ ни тяжко—
Сообразимъ, какъ лучше поступить! (*Уходитъ*).

Юдифь.

И такъ, ты мой! Тебя завоевала
Я правдою святою!.. Видишь, какъ
Мнѣ дорогъ Богъ, которому молиться
Ты научилъ, тотъ Богъ, что̀ говоритъ
Изъ пламени сердечнаго! О, будемъ
Надѣяться и вѣрить!.. Ты за мною
Послѣдуешь, мой милый!.. Тотъ, въ комъ есть
Энергія и воля, побѣждаетъ
Преграды всѣ и покоряетъ міръ! (*Уходитъ съ Уріелемъ*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната въ домѣ Манассе, въ Амстердамѣ, украшенная картинами и статуэтками.

ЯВЛЕНІЕ I.

Манассе (сидитъ за письменнымъ столомъ и сводитъ счеты).

Манассе.

Ахъ, на водѣ построенное счастье
Продержится недолго! Вотъ, пишу
Я цифры здѣсь, и все такія цифры
Почтенныя; а набѣжитъ волна—
И смоетъ ихъ!.. Нѣтъ, вѣрные расчеты
Лишь въ гавани возможны, только въ ней!
(*Встаетъ, проходитъ по комнатѣ и беретъ со стола другую книгу*).
Милѣе мнѣ читать вотъ эту книжку:
Картины, и статуи, и игра
Веселая фонтановъ своенравныхъ,
Бесѣдки, павильоны—это все
Столпилось здѣсь красивымъ, пестрымъ роемъ,
И тоже все съ оцѣнкой, черезчуръ
Высокою, по биржевымъ тарифамъ!
Высокою!.. Толкуете вы тамъ
Про стоимость картины, недовольны,

Что черезчуръ ужъ дорого себя
Художники оцѣниваютъ... Точно
Мы платимъ за картину по ея
Достоинству!.. Нѣтъ, мы въ картинѣ цѣнимъ
Не полотно, не краски, не часы,
Ушедшіе на трудъ, не геній даже,
Ей давшій жизнь—затѣмъ, что для него
Пріятнѣе *дарить* свою работу,
Чѣмъ *продавать*—мы деньги платимъ только
За право обладанія, за то,
Чтобъ одному, всецѣло, безраздѣльно,
Прекраснымъ наслаждаться!
(*Подходитъ къ одной изъ картинъ и засматривается на нее*).
Высоко
Отрадное, плѣнительное чувство—
Знать, что *одинъ* владѣешь ты, одинъ,
Что не взглянуть въ твое уединенье
Ничьимъ глазамъ, что не пройти въ него
Слѣпому любопытству, что болтливый
Полузнатокъ покоя твоего
Не отравитъ!.. Нѣтъ ничего на свѣтѣ
Прекраснѣе и выше!.. Здѣсь, гдѣ все,
Все вѣчно повторяется, художникъ
Разъ навсегда создастъ—и это мнѣ,
Какъ милая подруга, чисто, свято,
Никѣмъ не оскверняемое, мнѣ
Принадлежитъ всецѣло, отдается
Мнѣ одному!.. И эти господа
Рѣшаются здѣсь толковать о цифрахъ!..

(*Возвращается къ столу, къ счетной книгѣ*).

А между тѣмъ, какъ позабыть о нихъ,

Когда итогъ невѣренъ?.. О, заботы
Тяжелыя!.. Когда же снова я?.. (*Задумывается*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Манассе, Юдифь, потомъ **Симонъ.**

Юдифь

(*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Я васъ ищу, отецъ мой, и нигдѣ
Не нахожу. Вы точно затерялись
Въ своемъ уединеньѣ. И притомъ
Такъ мрачны вы и грустны...

Манассе.

Это только
Такъ кажется; на самомъ дѣлѣ—нѣтъ.

Юдифь.

Устали вы отъ тяжкихъ жертвъ? Вы столько
Ихъ принесли за эти дни...

Манассе.

Сама
Ты знаешь, дочь: чужимъ несчастьемъ только
Мы счастливы...

Юдифь.

Тотъ, отъ кого бѣгутъ
Всѣ въ ужасѣ, тотъ, кто войти не смѣетъ
Въ священный домъ, гдѣ мать его живетъ—
Нашелъ пріютъ у васъ однихъ... Вы только

От ярости фанатиковъ его
Скрываете, въ своемъ дому даете
Убѣжище и... и не прочь назвать
Его своимъ любезнымъ сыномъ!.. Люди
Считаютъ васъ холоднымъ; скорлупу
Чужой души они находятъ жесткой...
О, если бы имъ показать зерно,
Столь мягкое, столь теплое!..

Манассе.

Ужъ слишкомъ,
Дитя мое, превознесенъ тобой
Старикъ-отецъ! Я пріютилъ Акосту
Не для него: кто подчинять себя
Общественнымъ условіямъ не хочетъ,
Тотъ, сознаюсь, мнѣ чуждъ; я не могу
Его любить. Но для тебя онъ дорогъ,
Въ своей любви созналась громко ты
Съ безумнѣйшимъ забвеньемъ всѣхъ приличій...
Не хочется и вспомнить даже мнѣ
О сценѣ той...

Юдифь (*въ сторону*).

А я живу лишь ею!

Манассе.

Извѣстно всѣмъ, что Уріелю я
Отдамъ тебя, какъ скоро примирится
Онъ съ церковью. А отчего я слабъ,
Мое дитя, сама ты это знаешь,
И чувствуешь...

Юдифь.

Да, оттого, что вы
Свое дитя жалѣете, что чувство
Нѣжнѣйшаго *отца* въ васъ говоритъ,
Но не одно, а съ чувствомъ *человѣка*!

Манассе.

Нѣтъ, нѣтъ, Юдифь, ты въ заблужденьѣ. Я,
Хотя людей не ненавижу, правда,
Но и любви особенной я къ нимъ
Не чувствую. Та сторона, съ которой
Узналъ я ихъ, заставила меня
Забыть другихъ и жить на свѣтѣ только
Для самого себя... Пятнадцать лѣтъ
Тому назадъ—въ то время ты ребенкомъ
Еще была—въ одинъ прекрасный день
Вѣсть разнеслась: Манассе Вандерстратенъ—
Банкротъ! Купцы, на биржевой стѣнѣ
Прочли: „Банкротъ Манассе Вандерстратенъ!"
И крошечку участія, большой
Запасъ весьма полезныхъ наставленій,
Тутъ—легкій вздохъ, тамъ—пожиманье плечъ.
Вотъ все, чтó могъ разбитый бурей встрѣтить
На берегу...

Юдифь.

А мать моя, отецъ?

Манассе.

Она! Пошли ей, Господи, отраду
На небесахъ!.. О, да, она въ меня

Вдохнула вновь энергію и силу,
Ей на землѣ еще разъ наше солнце
Привѣтно улыбнулось, и она
Счастливою скончалась, изнемогши
Подъ бременемъ той силы, что́ пришлось
Искусственно и долго ей предъ свѣтомъ
Выказывать—пустымъ, холоднымъ свѣтомъ!
О, дочь моя, кто вынесъ такъ, какъ я,
Изъ опыта житейскаго сознанье,
Что довѣрять онъ можетъ лишь себѣ,
Что за него на бой съ людьми не выйдетъ
Никто другой, что счастіе свое
Онъ строилъ самъ, найдя, быть можетъ, помощь
Въ женѣ своей, въ своемъ ребенкѣ—тотъ,
Подобно мнѣ, окончивши работу,
Спѣшитъ уйти въ свой собственный комфортъ
И, наглухо забивши дверь, страдаетъ
Отъ всей души, когда въ его пріютъ
Дѣйствительная жизнь стучится шумно...

Симонъ (*входитъ*).

Де-Сильва посылаетъ объявить,
Что будетъ онъ у васъ сію минуту. (*Уходитъ*).

Юдифь.

Де-Сильва?

Манассе.

Да... Гдѣ Уріель?

Юдифь.

Онъ здѣсь
Скрывается, какъ вы ему велѣли...

Манассе.

Что жъ? И теперь еще на стариковъ
Все будетъ молодое поколѣнье
Негодовать? Пожалуй, и теперь
Вы будете твердить, что въ вашемъ счастьѣ
Помѣха—мы? Въ де-Сильва Уріель
Защитника нашелъ себѣ; де-Сильва
Старается Акосту примирить
Съ раввинами, старается утишить
Свирѣпый гнѣвъ и мстительность Іохаи...
Зови сюда Акосту!

Юдифь.

Милый мой,
Чудесный мой отецъ!.. О, еслибъ подвигъ
Какой нибудь великій совершить
Могла и я! А то ужъ просто стыдно—
Все принимать услуги и самой
Не дѣйствовать...

Манассе.

Ступай, ступай и друга
Пошли сюда.

Юдифь.

Но не смущай его
Притворною холодностью... Ты любишь
Прекрасный блескъ искуства; отчего жъ
Сіяніе души твоей не хочешь
Выказывать наружу? Вѣдь оно
Прекраснѣе и чище... (*Уходитъ*).

Манассе (*смотря ей въ слѣдъ*).

„Еслибъ подвигъ
Какой нибудь великій совершить
Могла и я!“ А тотъ, который сердце
Разбилъ бы въ ней, само собой, она
Отсюда исключаетъ... Вотъ и Сильва.

ЯВЛЕНІЕ III.

Манассе и **де-Сильва.**

Манассе.

Благодарю за посѣщенье. Вы
Хотите миръ внести сюда... Но только,
Пожалуйста, безъ жалобъ, старый другъ!
Пожалуйста, и безъ упрековъ тоже!
А главное, безъ утѣшеній!..

Сильва.

Странный
Вы человѣкъ! Никто усерднѣй васъ
Не бѣгаетъ отъ горя—и оно
Поэтому ни на одну минуту
Не отстаетъ отъ васъ...

Манассе.

Вы говорили
Съ Совѣтомъ Трехъ?

Сильва.

Изъ синагоги я
Теперь иду.

Манассе.

Для отреченья все ли
Готово тамъ? Хотѣлось бы скорѣй
Покончить все, чтобъ разростись сильнѣе
Безумья гнѣвъ не могъ...

Сильва.

Безумьемъ вы
Зовете то, что̀ дѣломъ вѣры только
Я признаю.

Манассе.

Ну, да, и та вражда,
Что̀ мнѣ силки коварно разставляетъ,
И мстительность, которою теперь
Я окруженъ—все это дѣло вѣры,
По вашему? Іохаи и его
Приверженцы со мною перестали
И кланяться. На биржѣ хорошо
Замѣтилъ я, какъ эта вся компанья
Выискивала мѣсто, гдѣ меня,
По мнѣнью ихъ, всего удобнѣй ранить
Имъ хорошо извѣстно, что когда
Купца прижать со всѣхъ сторонъ—погибнуть
Ему легко...

Сильва.

Терпите и надѣйтесь!

Манассе.

Да, хорошо надѣяться, терпѣть,
Когда одна, одна минута можетъ

Всю жизнь мою разрушить... Коль меня
Іохаи погубить уже рѣшился...

Сильва.

Манассе!

Манассе.

Ну, довольно!.. Объ одномъ
Я васъ прошу—скорѣй кончайте дѣло.
Вы слышите? Скорѣе! Говорить
Вы будете съ Акостой; объясните жъ
Ему, какихъ формальностей держаться
Обязанъ онъ, чтобъ не возстановлять
Противу насъ всей этой стаи гончихъ,
Направленной раввинами... Акоста
Сейчасъ придетъ. Поговорите жъ съ нимъ...
Я ухожу... Послушайте, де-Сильва,
Сознайтесь-ка мы съ глазу нà глазъ здѣсь—
Вѣдь вамъ самимъ раввинство наше вѣрно
Не пò сердцу... И въ самомъ дѣлѣ, намъ
Возможно ли, быть строго правовѣрнымъ?
Возможно ли чтобъ человѣкъ, путемъ
Науки философской, хламъ старинный
Самъ для себя нагромоздилъ и вновь
Туда пришелъ, откуда прежде вышелъ!
Когда дѣтей беремъ на вѣру мы,
Что дважды-два равно пяти—я въ этомъ
Мудренаго не вижу; но поди,
Поладь-ка ты съ наукой философской,
Когда она находитъ тайну въ вѣрѣ
Младенческой и хочетъ *доказательствъ*,

Что дважды-два равно пяти!.. Пора
Однако мнѣ—въ конторѣ ждутъ разсчеты (*уходитъ*).

ЯВЛЕНIЕ IV.

Урiель и **Сильва.**

Урiель (*останавливаясь у дверей*).

Де-Сильва, это я! Разрѣшено ль
Проклятому приблизиться къ святому
Защитнику душъ чистыхъ?

Сильва.

Урiель,
Священнѣйшее дѣло человѣка—
Долгъ совѣсти, есть къ сожалѣнью то,
Съ чѣмъ рѣдко онъ не борется, что́ рѣдко
Онъ выполнитъ по доброй волѣ. Я
Васъ осудилъ, Акоста, противъ воли.

Урiель.

Да, это мнѣ извѣстно. Для меня
Оставили вы, Сильва, выходъ—выходъ,
Единственный, который я не могъ
Избрать себѣ...

Сильва.

И глубоко я тронутъ
Тѣмъ, что еще вы связаны въ душѣ
Съ Израилемъ, хоть доводы всѣ ваши
Я черезчуръ ужъ свѣтскими нашелъ,

Какъ нахожу любовь Юдифи просто
Бѣсовскимъ навожденіемъ. Но такъ,
Иль иначе—привѣтствовать я долженъ,
Какъ будущаго родственника, васъ,
И руку вамъ тѣмъ болѣе охотно
Я подаю, что городъ Амстердамъ,
Благодаря такой развязкѣ, будетъ
По прежнему имѣть въ своихъ стѣнахъ
Высокій умъ, талантъ высокій...

Уріель.

Гдѣ же
Мнѣ отыскать возможность эту? Правда,
Что ангела чистѣйшаго любовь
Мнѣ послана—но вправѣ ль я, скажите,
Присвоить то, что̀ удержать нельзя
Мнѣ ни однимъ законнымъ средствомъ?

Сильва.

Въ томъ-то
И дѣло, другъ, что можно. Ныньче я
Въ Совѣтѣ Трехъ присутствовалъ. Рѣшенье
Собранія благопріятно вамъ:
Мы зятя Вандерстратена не будемъ
Въ процессѣ покаянья подвергать
Формальностямъ особенно тяжелымъ.
Ступайте безбоязненно теперь
На мѣсто запрещенное. Три раза
Вы стукнете въ дверь синагоги; тутъ
Пообождать, быть можетъ, вамъ придется
Пять-шесть минутъ—и въ это время пусть

Не сердитъ васъ народъ, которымъ вѣрно
Вы будете окружены... Что жъ дѣлать?
Безъ этого нельзя. Затѣмъ слуга
Появится и васъ на испытанье
Къ верховному раввину Бенъ-Акибѣ
Проводитъ. Такъ постановилъ Совѣтъ.

Уріель.

Я слушаю внимательно—и право
Глубоко изумленъ. Меня сюда
Позвали для того, чтобъ васъ, де-Сильва,
Привѣтствовать, и съ этой цѣлью я
Пришелъ сюда. О чемъ вы говорите?

Сильва.

О вашемъ отреченіи.

Уріель.

О чемъ?

Сильва.

Вы кажетесь глубоко изумленнымъ,
А между тѣмъ не можете не знать,
Что только отреченье сниметъ съ васъ
Проклятье синагоги...

Уріель.

Отреченье?
Моей душѣ такъ чуждо это слово,
Что произнесть его едва-едва
Уста мои рѣшаются... Де-Сильва,
Кто жъ вамъ сказалъ, что отъ проклятья я
Очиститься надѣюсь?

Сильва.

Ахъ, Акоста,
Пожалуйста, одумайтесь? Ужель
Больной вашъ бредъ хотите въ силу воли
Вы обратить? Вѣдь согласитесь: дать
Отверженнику дочь—одно и тоже,
Что самому сказать: „я не еврей!"
А сверхъ того, вы, оставаясь дольше
Здѣсь въ этомъ положеніи, едва ль
Поручитесь за вашу безопасность:
Не вы, а мы у здѣшнихъ христіанъ
Находимъ покровительство.

Уріель

Да, знаю,
И ужъ давно обдумываю, какъ
И гдѣ найти малѣйшую возможность
Поддерживать хоть кое-какъ мое
Опальное существованье... Сильва,
Послушайте однако: если вы
Хоть разъ себя назвать считали въ правѣ
Мыслителемъ и если хоть на мигъ
Васъ озарилъ небесный свѣтъ, то какъ же
Такъ холодно сказать мнѣ: „отрекись!"
Вы можете?

Сильва.

Раскаяніе краситъ
И доблести геройскія.

Уріель.

Герой
Раскаялся, свершивши новый подвигъ.

Сильва.

Сознаться въ заблужденьѣ не постыдно.

Уріель.

Заблудшій я передъ самимъ собой,
Предъ вашими священниками—правый.

Сильва.

Священникъ покаяніе пріемлетъ
Не для себя.

Уріель.

Для Бога? Путь къ нему
Я самъ найду.

Сильва

Ахъ, Уріель, вотъ это
И больно такъ мнѣ видѣть въ васъ—всегда
Безцѣльное отыскиванье чести
Тамъ, гдѣ о ней и рѣчи вовсе нѣтъ!
Раскаянье людское развѣ нужно
Для Бога? Нѣтъ, оно имѣетъ вѣсъ
Для общагѳ порядка мірового,
Разстроенной гармоніи всего
Живущаго—и для него-то служитъ
Проводникомъ слухъ пастыря... Взгляните
На эту всю машину, это *все*—
И на себя! Чтó вы? Песчинка, атомъ
Въ безмѣрности созданья...

Уріель.

Для себя
Я самъ—весь міръ.

Сильва.

Да, если раздуваться
Начнете вы.

Уріель.

Такъ, стало быть, и вся
Вселенная—хвастливый нуль.

Сильва.

Свободнымъ
Себя считать привыкли вы; своимъ
Мышленіемъ кичитесь горделиво;
А я—когда пытливо я гляжу
Въ природы жизнь, въ смерть зимнюю, въ приволье
Весеннее, въ поблекшую красу
Осеннихъ дней, когда я приставляю
Къ глазамъ стекло, чтобъ различить пятно
Тамъ, высоко, на огненномъ Сатурнѣ—
То чувствую, что я, и вы, и всякій,
Какъ существа отдѣльныя—ничто;
Что мы живемъ, какъ звенья общей цѣпи,
Свободны лишь въ законѣ міровомъ.
Разъ, что въ душѣ составится моей
Сознаніе такое, не могу я
На столько подчинить мой здравый смыслъ
Тому, во что отцы и дѣды наши

Ужъ вѣрили, что̀ цѣлые вѣка
Незыблемо стояло—не могу я
На столько подчинить, чтобъ не сказать:
„Все это—заблужденье, *можетъ статься*“.
Но Уріель, вѣдь сколько тысячъ лѣтъ
Оно живетъ, и сколько милліоновъ,
Въ его сопровожденіи, прошли
Чрезъ горести житейскія, до гроба!
А вѣрованье ваше, Уріель,
Доставило ль хоть одному отраду?
По совѣсти скажите—даже вы,
Вы сами въ немъ нашли ли развѣ счастье?

Уріель.

Возможно, Сильва; очень это все
Возможно: да, быть можетъ, справедливо
Звать палку ту, которая слѣпцу
Указывала путь въ теченье слишкомъ
Трехъ тысячъ лѣтъ, его открытымъ, зрячимъ,
Неомраченнымъ глазомъ. Палка та
Слѣпому помогаетъ щупать, трогать,
Идти, не спотыкаючись; она—
Его глаза... Но вдругъ во тьму слѣпого
Борвался лучъ, слѣпой прозрѣлъ, слѣпой
Не палкою, а зрячимъ глазомъ видитъ;
Съ невѣдомымъ блаженствомъ онъ глядитъ
На солнце лучезарное. Сначала
Оно слѣпитъ, сначала для него
Все—чудная новинка; онъ не можетъ
По имени назвать все то что̀ видитъ;
Онъ щупаетъ предметы; онъ не разъ

Споткнется; глазъ его новорожденный
Еще не пріобрѣлъ, само собой,
Тысячелѣтній навыкъ палки—навыкъ,
Чтó такъ темно и смутно понималъ
Свой темный міръ... Но Сильва, неужели
Изъ-за того, что правда не даетъ
Немедленно всѣхъ удовольствій жизни,
Что *первыя* движенья и шаги
Прозрѣвшаго нетверды—неужели
Изъ-за того онъ долженъ называть
Свой первый взглядъ въ исполненную силы,
Цвѣтущую, невѣдомую жизнь—
Печальнымъ заблужденіемъ, и первый
Крикъ радости прозрѣвшаго—грѣхомъ?
Нѣтъ, Сильва, нѣтъ! Какъ сильно ни болѣли бъ
Отъ солнечныхъ лучей мои глаза
Воскресшіе—отъ этой боли правды
Я никогда, нигдѣ не откажусь!

Сильва.

Идите же своимъ путемъ! За вами
Послѣдуетъ проклятіе. Юдифь
Де-Сантоса вторично не рѣшится
Назвать лжецомъ; въ могилу не сведетъ
Она отца и не уйдетъ за вами
Въ далекіе лѣса. Прощайте!.. (*Идетъ и останавливается*).
Мнѣ,
При вашемъ разсужденьи о слѣпотствѣ,
Пришла на мысль слѣпая ваша мать...

(*Опять идетъ и снова возвращается*).

Акоста! Глубоко въ народѣ нашемъ
Укоренилась мощь семейныхъ узъ.
Случалося, о да, въ былое время
Случалося, что отрывалась вѣтвь
Отъ дерева любви; такъ отъ Давида
Отпалъ Авессаломъ... Но послѣ, послѣ,
Въ изгнаніи, когда тяжелый гнетъ
На насъ лежалъ, когда въ страданьяхъ нашихъ
Одно лишь утѣшенье было—мысль,
Что любятъ насъ по крайней мѣрѣ, дѣти,
Что насъ хранитъ, заботится о насъ
Старикъ-отецъ, что братомъ называетъ
Насъ братъ родной—тогда еще тѣснѣй
Сплотились мы въ союзъ благоговѣнья
Къ священному родному очагу.
Мы жертвовать не затруднялись нашей
Свободою, щадили предразсудки
И слабости родителей своихъ,
И для того, чтобы одно отвергнуть,
Другое взять иль сдѣлать—ждали мы
Не зрѣлости годовъ своихъ, а смерти
Родимыхъ стариковъ: тогда — свобода!
Тогда иди и смѣло водружай
Твоихъ надеждъ, *твоихъ* стремленій знамя!..
О, Уріель, ужели это все
Вы призракомъ считаете? Ужели
У васъ въ душѣ нѣтъ жалости къ чужимъ
Страданіямъ? къ любви Юдифи? къ горю
Ея отца? Я умоляю васъ,
Подумайте, рѣшите—кто въ васъ долженъ
Побѣду одержать: свободный умъ

Иль любящее сердце? Испытайте
Себя въ душѣ и поступите такъ,
Какъ повелитъ вамъ голосъ благородства. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Уріель (одинъ), потомъ **Симонъ**.

Уріель.

Чтó повелитъ мнѣ этотъ голосъ?.. Нѣтъ,
Не скажетъ онъ, что правда предъ любовью
Должна склонить оружье. Я люблю,
Люблю Юдифь, но на себя съ презрѣньемъ
Смотрѣть бы сталъ, когда бъ, какъ мягкій воскъ,
Растаялъ я, когда бъ я превратился
Въ нелѣпаго аркадца-пастушка,
Вздыхателя изъ нѣжненькихъ идиллій!
Увѣровать сначала—и потомъ
Ото всего отречься? Малодушно
Передъ самимъ собой явиться трусомъ—
Клятвопреступникомъ? Нѣтъ, никогда!
Краса души, честь наша— *убѣжденье*;
Оно для насъ—почетный крестъ, на грудь
Повѣшенный не царскою рукою,
Не орденскимъ капитуломъ; оно
Въ рукахъ бойца есть знамя то, съ которымъ
Позорно онъ не упадетъ; оно
Бѣднѣйшаго въ толпѣ возводитъ въ знатность

И гербъ ему даетъ, который онъ
Позоритъ самъ и разбиваетъ, если
Отступникомъ становится... Въ себѣ
Повременамъ я слышу голосъ: „Сердце
Надежнѣе разсудка для тебя;
Любовь, какъ мысль, не можетъ заблуждаться...“
Но поступать иначе я не въ силахъ!
Здѣсь рыцарская гордость: шпоры мнѣ
Она даетъ и смолкнуть заставляетъ
Постыдный страхъ... Коль заблуждаюсь я,
То ни предъ чѣмъ инымъ, какъ передъ правдой.
Священникамъ не вынудить во мнѣ
Сознанья въ заблужденіи! (*идетъ къ дверямъ*).

Симонъ (*за дверью*).

Войдите!
Мы барышнѣ доложимъ.

Уріель.

Голоса!..
Для набожной души, для лицемѣра,
Мой видъ теперь—ужасный видъ!..

Симонъ (*за дверью*).

Сюда
Пожалуйте; здѣсь въ залѣ подождите! (*дверь отворяется*)

Уріель (*увидя входящихъ*).

О, Боже всемогущій!.. Мать моя!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Эсфирь, Акоста, Рувимъ, Іоэль, Уріель (Эсфирь слѣпа и ее ведутъ подъ руки оба брата Уріеля).

Рувимъ.

Здѣсь, матушка, присядьте... *(сажаетъ ее въ кресло).*

Эсфирь.

Но придетъ ли
Она сюда?

Іоэль.

Я наши имена
Покамѣстъ скрылъ.

Эсфирь.

О, если бы я видѣть
Ее могла!

Уріель

(становясь передъ ней на колѣни).
Родная!..

Эсфирь.

Уріель!
Ты? Это ты... Твою я слышу руку...

Уріель.

Проклятаго ты узнаешь еще?

Эсфирь.

Вотъ волосы твои... и борода...
И щеки... и по нимъ струятся слезы...
Да, это ты!.. Проклятье ничего
Въ тебѣ не измѣнило.

Рувимъ *(мрачно).*

Для Юдифи,
Братъ, мы пришли. Хотѣла наша мать
Ту женщину, что̀ смѣло такъ созналась
Въ любви къ тебѣ,—хотѣла дочь свою...

Уріель.

Увидѣть? О, Рувимъ, скажи: увидѣть!
Ахъ, если бы глазами ты могла
Ее узнать!

Эсфирь.

Я слышала—прекрасна
Она лицемъ, но, Уріель, прекраснѣй
Тѣхъ прелестей, что̀ увядать должны,
Ея любовь: въ твоемъ несчастьи смѣло
Она себя твоею назвала...

Уріель.

Сказали ль ей, что вы пришли? Давно ужъ
Хотѣлось ей увидѣть мать мою—
Но я не соглашался... Мнѣ блаженство
Назвать ее моей не суждено.

Эсфирь.

Заранѣе я это знала.

Уріель.

Знала?
Но почему?

Іоэль.

Мать этимъ хочетъ то
Сказать, что васъ должно твое проклятье
Разъединить. Объ отреченьѣ здѣсь
Еще нигдѣ не слышно.

Рувимъ.

Мы собрались
Сюда еще и потому, что намъ
Путь предстоитъ изъ Амстердама въ Гагу,
Гдѣ съ матушкой мы поселимся.

Уріель.

Вы?
Изъ Амстердама въ Гагу? Съ нашей старой,
Слѣпою матушкой?

Эсфирь.

Ахъ, для меня
Не все ль равно? *Тамъ* мнѣ казаться будетъ,
Что я все *тутъ*... Какъ будто мнѣ и здѣсь
Не грезилось, что снова я на Таго!..

Уріель.

Но что̀ же вдругъ случилось? Для чего
Вамъ уѣзжать?

Іоэль.

Прости... мой братъ...

Эсфирь.

Молчите!

Рувимъ.

Торговыя дѣла, что̀ отъ отца
Въ наслѣдство намъ достались, стали быстро
Идти впередъ...

Уріель.

Ну, да, и ты—лице
Извѣстное, почетное на биржѣ. .

Рувимъ.

И вдругъ—теперь...

Уріель.

Васъ притѣсняютъ? Да?
Изъ-за меня?

Іоэль.

Повидимому, дѣло
Къ тому идетъ. Враги твои, понявъ,
Что на тебя проклятіе не сильно
Подѣйствуетъ и твоего пути
Не заградитъ, хотятъ свою побѣду
Хоть чѣмъ-нибудь отпраздновать—и вотъ,
На насъ они обрушились жестоко!

Эсфирь.

Не на меня, мой сынъ, не на меня!

Рувимъ.

Мы стѣснены во всемъ; насъ избѣгаютъ,
Намъ отвѣчать на слово, на поклонъ
Страшатся всѣ, а при такихъ условьяхъ
Возможно-ли торговлѣ и дѣламъ
Идти впередъ? И мы рѣшили—ѣхать.

Уріель (*про себя*).

О, Агасферъ!

Эсфирь.

Я въ дальній путь плетусь
Съ охотою, хотя бы приходилось
Плыть за моря, какъ въ старые года;
Но пользы въ томъ немного! Ты не можешь,
Мой Уріель, свободу находить
Тамъ, гдѣ живутъ евреи... И когда
Мой смертный часъ наступитъ... Знаешь, часто
Я думаю, что если смерть глаза
У зрячаго навѣки закрываетъ,
То у меня она откроетъ ихъ,
И прежній блескъ засвѣтится, и снова
Моихъ дѣтей увижу... Но тебя—
Тебя искать глаза напрасно будутъ...
Однако, дочь Манассе не идетъ...

Іоэль.

Дверь стукнула...

Рувимъ.

Я слышу шорохъ платья...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и Юдифь.

Юдифь.

Увидѣться со мной желали вы,
Почтеннѣйшіе господа, и эта
Достойная старушка...

(*Смотритъ на всѣхъ; минутная пауза*).

Уріель!..
Здѣсь... Наша мать!.. (*цѣлуетъ у нея руки*).

Эсфирь.

Нѣтъ, нѣтъ... Позволь мнѣ, ангелъ,
Мнѣ цѣловать лице твое...

Юдифь.

Давно,
Давно уже у васъ благословенье
Я испросить хотѣла, на лицѣ
У васъ найти стремилась образъ сына,
Изъ сыновей прекраснѣйшаго.

Эсфирь.

Такъ!
Такъ, дочь моя, хвали его! за это
Тебя люблю!..

Юдифь.

Ахъ, матушка, придетъ
Пора, когда преклонятся съ почтеньемъ
Всѣ передъ нимъ—а до того имѣетъ
Онъ насъ.

Эсфирь.

О, какъ плѣнительно звучатъ
Твои слова! А образъ твой мерцаетъ
Въ слѣпыхъ глазахъ... И что жъ? Когда придетъ
Мой смертный часъ, я Уріеля даже
Тебѣ не завѣщаю...

Юдифь.

Даже мнѣ?
Его женѣ?

Эсфирь.

Его женѣ? Женою
Не будешь ты... Дитя, не огорчай
Родителя; не убѣгай изъ дома
Отцовскаго... ты у отца одна—
Манассе дочь одну, одну имѣетъ!

Юдифь.

Какъ?.. Уріель?.. Чтò говоритъ она?..
Ты... стало быть... ты отказалъ...

(Долго смотритъ на него, съ отчаяніемъ).

О, Боже!
Прости меня: дерзнула вѣрить я,

6*

Что за любовь такую можно счастье
Здѣсь на землѣ въ награду получить!

(Падаетъ къ ногамъ Эсфири).

Уріелъ.

(борется съ собою. Онъ въ волненіи смотритъ на мать, Юдифь, братьевъ, которые печально стоятъ за кресломъ матери; въ сторону).

О, Сильва, да, ты правъ! Въ народѣ нашемъ
Укоренилась мощь семейныхъ узъ. *(Съ дикимъ отчаяніемъ).*
Да что же вы молчите? Говорите!
Не вынесу я пытки...

Юдифь.

Мать моя!
Онъ больше насъ не любитъ...

Уріель.

Ядъ смертельный
Въ моей груди... Какъ раненому звѣрю
Хотѣлось бы кричать... О, не смотрите
Съ такой мольбой!.. Тѣ слезы, что̀ теперь
Въ отчаяньѣ вы льете—радость, счастье
Въ сравненіи съ огнемъ, который жжетъ
Мои глаза сухіе... Вы молчите?..
Вы смотрите печально?.. Отъ меня
Вы подвига ужаснѣйшаго ждете!..
Чтобъ разумъ мой принесъ я въ жертву сердцу,
Святое убѣжденіе—любви?..
О, гордый духъ! къ чему встаешь такъ дико

Ты на дыбы?.. Чудовище, смирись,
Не скрежещи неистово зубами...
Стань червякомъ!.. Ползи, согнись къ землѣ...
Да ниже... ниже... ниже... О, проклятье!
Вотъ онъ, вотъ онъ, безмолвный взглядъ любви!
Какъ отъ него спастись?.. Гдѣ взять защиту
Отъ глазъ нѣмыхъ?.. Закройте-же глаза!..
Слѣпая мать, закрой глаза... Довольно...
Оставьте... я иду... иду... иду!.. (*въ отчаяніи убѣгаетъ*).

Юдифь.

Для матери своей принесъ онъ жертву

Эсфирь.

Нѣтъ, для тебя.

Іоэль.

Благослови Господь
Сей день и часъ! Онъ отречется...

Эсфирь.

Сынъ мой!
Пустите же меня! къ нему!.. Дитя,
Пусти меня! Я милаго должна
Облобызать... Мой Уріель... Пустите!..
Да у кого жъ хватаетъ духу быть
Его врагомъ? Гдѣ вы найдете душу
Прекраснѣе его души?.. Идемъ,
Идемъ скорѣй!.. И будемъ громко, всюду,
На улицахъ, кричать: „Вы всѣ, смотрите!
Вотъ это сынъ, который любитъ мать“!
(*Быстро уходитъ, уводимая Рувимомъ и Іоэлемъ*).

Юдифь (*одна у окна*).

Онъ во дворѣ... Онъ плащъ едва накинулъ...
Стремительно бѣжитъ безъ шляпы... Вотъ
На улицѣ... Остановился... Боже!
Направо иль налѣво?.. Медлитъ онъ...
Нѣтъ, нѣтъ... пошелъ... направо—къ синагогѣ!.

(*Отходитъ отъ окна*).

И это все внезапно такъ!.. И я—
Виновница, быть можетъ... Такъ внезапно—
И... черезчуръ поспѣшно, можетъ быть...
О, Господи! Что̀ если онъ, свершивши,
Раскается!.. Отъ страшной мысли—ледъ
Въ моей крови!.. Да неужели свыше
Такъ суждено, чтобъ женщина была
Проклятіемъ мужчины вѣчнымъ, вѣчнымъ,
До мелкости ничтожной духъ его
Отъ первыхъ дней созданья низводившимъ?..
Какъ мертво-тусклъ былъ взглядъ его!.. Рука
Холодная... дрожащія колѣни..

(*Стремительно бѣжитъ къ окну*).

Остановись... Акоста... воротись!
Нѣтъ, поздно! О, неотразимый рокъ!
За этотъ грѣхъ не наказуй насъ строго!

(*Падаетъ въ кресло*).

———

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ синагогѣ.

Низкая комната; направо и налѣво открытыя двери. На стѣнахъ нарисованы скрижали закона, съ еврейскими буквами. Въ глубинѣ большой занавѣсъ отдѣляетъ комнату отъ внутренности синагоги, которая открывается уже впослѣдствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ **Сантосъ** и **де-Сильва;** потомъ **слуга**.

Сильва.

И никого за это время вы
Къ нему не допускали?

Сантосъ.

Постоянно
Онъ былъ одинъ, какъ и велитъ законъ...
Придя сюда и стукнувъ въ двери храма,
Почуялъ онъ конечно божій перстъ.

Сильва.

Каменьями перстъ божій не кидаетъ.

Сантосъ.

Но гнѣвъ его народа далъ ему
Почувствовать все то, что̀ онъ упорно
Самъ чувствовать себѣ не позволялъ.
Осмѣянный, изнеможенный, въ платьѣ
Изодранномъ, упалъ онъ во дворѣ—
И вотъ теперь въ уединеньѣ строгомъ,
Оторванный ото всего, что̀ въ немъ
Могло бы созерцаніе нарушить,
Свободы ждетъ и примиренья.

Сильва.

Ахъ,
Дай Богъ, чтобъ онъ дождался ихъ!... Сказали ль
Ему, что мать его больна?

Сантосъ.

Войти
Для этого къ нему хотѣли братья...
Но вѣсть о томъ встревожила бъ его,
Могла бъ ему, пожалуй, показаться
Послѣдствіемъ проклятія.

Сильва (*въ сторону*)

Какая
Высокая заботливость!

Сантосъ.

Юдифь,
Манассе дочь, пророчица Ваала,

Такъ дерзостно проклятіе мое,
Презрѣвшая, не разъ просила тоже
Пустить ее...

Сильва.

И ей, какъ и другимъ,
Отказано?... Весь Амстердамъ наполненъ
Ужаснѣйшею вѣстью о второмъ
Банкротствѣ Вандерстратена! Іохаи,
Какъ членъ одной изъ богатѣйшихъ фирмъ,
Устроилъ все, признаться, очень ловко.
Мечтательною жизнью жилъ мой тесть
Въ своемъ саду, среди своихъ фонтановъ,
Картинъ, статуй, привычной колеи
Не покидалъ и пользовался мирно
Солидными доходами... Какъ вдругъ
Отвергнутый женихъ, торговецъ ловкій
Изъ молодыхъ искусниковъ, ему
Протягиваетъ сѣть, какую нынче
Въ Венеціи иль въ Лондонѣ плетутъ,
Когда хотятъ торговый міръ, какъ стаю
Борзыхъ собакъ, свирѣпо натравить
На одного... Манассе погибаетъ—
И вотъ теперь Іохаи, въ чьей душѣ
Любовный пылъ не загасила злоба,
Несчастіемъ, отчаяньемъ его
Воспользоваться хочетъ, хочетъ руку
Для мирнаго рѣшенья протянуть.
Но тутъ одно возможно. Въ правѣ ль медлитъ
Юдифь, когда ей надо для отца
Пожертвовать собою? Въ правѣ ль будетъ

Она поколебаться предъ страшнѣйшимъ
Мученіемъ—измѣной другу, даже
Предъ собственною смертью, чтобъ спасти
Того, кто жить не можетъ, если счастья
Лишился онъ, въ которомъ прежде жилъ?
То самое, чего отъ Урієля
Она ждала—чтобъ ради милой сердца,
И матери, и братьевъ онъ отрекся—
Она должна теперь сама свершить
Для старика-отца. И все, все это
Вы скрыли отъ него?

Сантосъ.

Пока искусъ
Не кончится, отъ всяческихъ сношеній,
Словесныхъ ли, иль письменныхъ, съ людьми,
Повелѣно воздерживаться строго. (*Слуга входитъ съ письмомъ*).

Слуга.

Письмо Акостѣ.

Сантосъ.

Развѣ ты не зналъ,
Что принимать нельзя?

Слуга.

Одинъ изъ братьевъ
Его принесъ и со слезами молитъ
Скорѣй отдать.

Сантосъ.

Возьми назадъ письмо.
Законъ не дозволяетъ въ стѣны кельи,
Гдѣ кается преступникъ, проникать
Извѣстіямъ изъ міра. *(Слуга уходитъ съ письмомъ).*

Сильва.

Гдѣ же это
Написано? Препятствуете вы,
Чтобъ тихій вздохъ къ несчастному проникнулъ?
Вамъ хочется, чтобъ онъ узнать не могъ
Про тяжкія страданія Юдифи,
Манассе разоренье? Хорошо
Вы знаете, что онъ на отреченье
Рѣшается для матери своей,
Для дѣвушки возлюбленной; такъ честно ль,
Скажите мнѣ, то отъ него таить,
Чтȯ шлютъ къ нему любовь въ порывѣ горя
Великаго и матери душа,
Разбитая страданьемъ?

Сантосъ.

Посмотрите,
Сюда идетъ Акиба; прожилъ онъ
Почти сто лѣтъ, а преданность къ закону
И правиламъ и сила вѣры въ немъ
Поддерживаютъ молодость... Акостѣ
Онъ форму отреченья самъ вручитъ.
Идите вы покамѣсть въ синагогу

Къ молящимся. Чрезъ нѣсколько часовъ
Утишится томленье въ вашемъ сердцѣ.

Сильва.

Я ухожу, но мудро поступать
Совѣтую съ несущимъ покаянье,
Котораго, по моему, должны
Вы всѣ благодарить: вѣдь подчиненье
Такого человѣка укрѣпитъ
Еще сильнѣй раввинства обаянье!
Желаю я, чтобъ этотъ день добромъ
Окончился и чтобъ не приходилось
Вамъ каяться въ раскаяньи *его!* (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Раввинъ **Бенъ-Акиба,** ведомый подъ руки двумя молодыми раввинами: раввинъ **ванъ-деръ-Эмбденъ,** съ пергаментнымъ свиткомъ въ рукахъ; **Сантосъ;** потомъ **Уріель.**

Акиба

(*котораго подвели къ почетному креслу у стола*).

Готовъ ли отреченья актъ, ванъ-Эмбденъ?

Эмбденъ.

Достойнѣйшій Акиба, вотъ онъ, здѣсь,
Написанъ на пергаментѣ.

Акиба.

Пускай же

Пріемлющій раскаянье сюда
Въ послѣдній разъ войдетъ. Вы всѣ садитесь
Вокругъ меня и вѣрьте—это все
Уже не разъ бывало.

Сантосъ.

Вотъ Акоста.

Акиба.

Да, всякое бывало! Сядьте, братья!
Ванъ-Эмбденъ пусть записываетъ все,
А то слова вѣдь въ воздухъ улетаютъ...
Да, всякое бывало, вѣрьте мнѣ,
Почтенные отцы! Эпикурейцы,
Раскольники, сектаторы—все это
Новинкою считаетъ молодежь!
Новинкою—а это все бывало,
Повѣрьте мнѣ: въ талмудѣ нашемъ такъ
Написано... Да, всякое бывало!
(*Входитъ Уріель, блѣдный и изнеможенный*).

Акиба.

Садитесь, Уріель! Вонъ тамъ стоитъ—
Не правда ли, вѣдь я не ошибаюсь?—
Тамъ стулъ стоитъ, раввины?... Что?... Садитесь!
Вы знаете, мнѣ девяносто лѣтъ...
А въ девяносто лѣтъ устанутъ ноги...
Да, устаютъ... Садитесь же... (*Садится*).

Сантосъ.

Акоста,
Кратчайшій срокъ избрали вы себѣ.

Акиба.

Де-Сантосъ, погодите! Съ Уріелемъ
Бесѣдовать Акиба долженъ здѣсь...
Да, всякое бывало!... Ну, вотъ видишь,
Мой молодой Акоста: двѣ дороги
Всегда существовали для людей
Сомнѣнія, когда ужъ пресыщались
Сомнѣніемъ они: одна изъ нихъ—
Короткая, но жесткая; другая—
Не такъ тяжка, но будетъ подлиннѣй.

Уріель.

Короткую, короткую! Убейте,
Но только поскорѣе! Дайте мнѣ
Такъ умереть, чтобъ времени не стало
Одуматься!

Акиба.

Ну, вотъ, ну, вотъ! Къ чему
Торопишь ты такъ ноги молодыя?
До отдыха еще имъ далеко,
Онѣ еще не разъ сослужатъ службу!
Раскаянье твое вѣдь не для насъ,
А для тебя необходимо! Что же
Такъ бѣшено спѣшить? Изъ-за меня
Раскаяньемъ нѣтъ нужды торопиться:
Мнѣ не дожить—такъ будетъ видѣть Богъ.

Уріель.

Да сколько жъ разъ, да вѣчно, что ли, надо

То повторять, въ чемъ признавалъ себя
Виновнымъ я ужъ слишкомъ, слишкомъ часто?

Акиба.

Нѣтъ, нѣтъ! Въ талмудъ, въ посты и въ очищенье,
Я знаю, ты не вѣруешь... Оно
Бывало такъ всегда, всегда бывало...
И потому въ послѣдній разъ къ тебѣ
Съ вопросомъ обращаюсь: сознаешь ли
Отъ всей души, что ты изрекъ хулу
На Господа твоею книгой?

Уріель.

Бога,
Который есть евреевъ только Богъ,
Я часто оскорблялъ и никогда
Не понималъ—объ этомъ въ протоколѣ
У васъ давно записано.

Сантосъ.

Все то,
Въ чемъ сознавался ты—фальшиво, ложно,
Двусмысленно, софизмы! Докажи
Намъ истину того, во что ты вѣришь,
Во что хотѣлъ ты выказать себя
Увѣровавшимъ.

Акиба.

Доказать, де-Сантосъ?
Что это вы сказали? Доказать?

Такъ дѣйствовать съ больнымъ отнюдь не должно!
Да развѣ есть возможность—то, во что
Мы вѣруемъ, доказывать? Де-Сантосъ,
Простите мнѣ—но иногда и вы
Являетесь эпикурейцемъ сами!
Доказывать! Прошу покорно! Солнце
Доказано: оно блеститъ. Огонь
Доказанъ: онъ сжигаетъ. Откровенье
Доказано: написано оно
Въ исторіи завѣта. Доказательствъ
Я не хочу ни отъ кого изъ васъ.

Эмбденъ (*Уріелю*).

Такъ просто намъ скажи, во что ты вѣришь?

Уріель.

Я ужъ сказалъ—я повторилъ не разъ.
Я вѣрую, что Богъ избралъ евреевъ
Возлюбленнымъ народомъ, только имъ
Являлъ свой ликъ, имъ только подавалъ
Таинственные знаки, только съ ними
Въ сношеньяхъ былъ, къ нимъ только говорилъ
И написалъ для нихъ лишь откровенье,
Гдѣ слово каждое, малѣйшій штрихъ
Мы принимать должны за разумъ Бога.
Я вѣрую, что въ заблужденье ввелъ
Меня мой умъ, что толкованье буквы
Не можетъ быть допущено, что мы
Обсуживать не смѣемъ слово Божье.
Такъ, снова повторяю, въ это все
Я вѣрую и, вѣруя на вѣру,

Сердечно васъ благодарю за то,
Что вы меня отъ всякихъ доказательствъ
Избавили.

Сантосъ.

Признаніе твое
Свидѣтельствуетъ только о гордынѣ.

Акиба.

Акоста, избери ты длинный путь!
Тогда все то, въ чемъ здѣсь ты сознаешься,
Въ тайникъ души прольется съ устъ твоихъ.
Мой добрый сынъ, возьми, возьми дорогу
Длиннѣйшую—и, вѣрь мнѣ, тихій миръ
Она внесетъ въ твою больную душу!
У скептиковъ такихъ, какъ ты, всему
Препятствуетъ безумнѣйшая жажда
Познанія; возьми талмудъ—найдешь
Ты многихъ тамъ, что̀ сильно заблуждались
Лишь потому, что много знали...
(Обращаясь и къ другимъ раввинамъ).
Да,
Жилъ нѣкогда, давно, великій скептикъ—
Элиза бенъ-Абуя звался. Онъ
Ученикомъ былъ одного изъ нашихъ
Ученѣйшихъ раввиновъ, а его
Ученикомъ былъ мудрый рабби Мегиръ.
И вотъ, за то, что сомнѣвался онъ, *(встаетъ)*
Народъ проклялъ его... Былъ бенъ-Абуя
Въ такомъ же положеньѣ, какъ и ты.
Лишь съ ужасомъ и отвращеньемъ имя

Его произносилося, и былъ
Онъ прозванъ *ахеръ*; ахеръ—это значитъ
Иной; талмудъ иначе никогда
Его не называлъ, *инымъ* остался
Элиза бенъ-Абуя, и когда
Скончался онъ, вдругъ изъ его могилы
Поднялся дымъ, и шелъ онъ долго, долго,
Покамѣсть рабби Мегиръ, ученикъ
Усопшаго, молитвами своими
Не облегчилъ загробныхъ мукъ его,
Онъ, ученикъ, молился съ теплой вѣрой
За своего учителя и дымъ
Разсѣялся навѣкъ. Такой же ахеръ
Ты, Уріель!!. Да, всякое бывало!. (*Садится*).

Уріель.

Да развѣ я на славу новизны
Претендовалъ?.. Дымъ ахера былъ пламя
Его души, духъ огненный его,
Который вы въ могилу схоронили.
Я ахеръ, да, вы правы; я *иной*,
Всегда иной—затѣмъ, что только въ этомъ
Иномъ существованіи залогъ
Движенья безконечнаго... Талмудъ
Не можетъ обойтись безъ толкованій,
И потому послушайте мое:
Я думаю, вашъ ахеръ никогда
На свѣтѣ не жилъ; ахеръ—это символъ
Мышленья чистаго: вѣдь только въ томъ,
Что̀ есть *не я*, въ *иномъ* могу я видѣть,
Каковъ я самъ, и понимать свое

Отличіе, и собственную правду
Распознавать. *Иное*—это символъ
Священнѣйшій сомнѣнія, а вѣра
Питается сомнѣньемъ. Вашъ талмудъ
Умнѣе васъ конечно; потому-то
Онъ ахеру, который образъ, мифъ,
Не болѣе, даетъ одновременно
Мудрѣйшаго учителя и съ нимъ—
Ученика еще мудрѣй; и оба
Они религіозны, потому
Что набожность творится лишь сомнѣньемъ.

Акиба.

Де-Сантосъ! Такъ ли это слышалъ я?
Элиза бенъ-Абуя нѐ жилъ, нѐ жилъ?..
Дѣйствительно живое, человѣкъ,
Талмудомъ признанный—ничто иное,
Какъ образъ, мифъ?.. И то, что̀ плоть и кровь
Для вѣрующихъ душъ, что̀ всякій можетъ
И осязать, и видѣть, это все—
Лишь облака, созданія тумана,
Впослѣдствіи ужъ человѣка видъ
Принявшія?.. Нѣтъ, слишкомъ, слишкомъ ново
Понятіе такое; искупить
Раскаяньемъ его необходимо...
Подайте отреченья актъ ему!

Сантосъ (*отдавая Уріелю бумагу*).

Одна судьба способна васъ заставить
Склонить главу; смиренье—никогда.
Тому, что̀ здѣсь сознали вы устами,

По прежнему вашъ духъ надменный чуждъ.
(*Указывая на заднюю часть сцены*).
Тамъ, гдѣ кивотъ, передъ лицомъ народа,
Что̀ началъ ужъ сбираться, вы должны
Прочесть грѣхи, въ которыхъ такъ притворно
Себя вы обвиняете.

Уріель.

Уже
Сбирается? Передъ лицемъ народа?

Акиба.

Сперва наединѣ прочтите то,
Что̀ предстоитъ провозгласить вамъ ясно,
Отчетливо, предъ общиною всей...
Ну, ну! Поди жъ, придумалъ: ахеръ нѐ жилъ!
Да вы-то вѣдь живете? Отчего жъ
Вамъ хочется Абую сдѣлать мифомъ?

Уріель.

О, да, вы слишкомъ правы! Я живу!

Акиба.

Ну, то-то же! Такъ, значитъ, жилъ и ахеръ!
Да, да, мой сынъ, иди и отрекись
Лишь для того, чтобъ умъ твой сталъ трезвѣе—
И начинай потомъ читать талмудъ
Прилежнѣе!.. Всѣ скептики на свѣтѣ
Кончали отреченьемъ... Только тамъ,
На небесахъ, есть новое...: А здѣсь

Бывало все, да, всякое бывало!.. (*Уходя*).
И не забудь—талмудъ, талмудъ читать,
Да только поприлежнѣй, юный ахеръ!..
Бывало все..! охъ, всякое бывало! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Уріель (одинъ), потомъ **Рувимъ**.

Уріель (*смотря на пергаментъ*).

Позорное признанье! Въ грудь мою
Ты ранами кровавыми вписалось
И въ ней стоишь недвижнѣй, чѣмъ на этомъ
Пергаментѣ, гдѣ языками змѣй,
И черными ножами, и стрѣлами
Начертаннымъ тебя увидѣлъ я!..
О, этихъ ранъ ужъ никакой бальзамъ
Не исцѣлитъ. А еслибъ и случилось,
Что зажили отъ времени онѣ,
То шрамы ихъ, увы, не будутъ шрамы
Почетные безстрашнаго бойца!..
Въ моей тюрьмѣ, сегодня ночью, снилась
Мнѣ мать моя. Вся кротостью дыша,
Родимая пришла меня утѣшить,
А рядомъ съ ней, въ сіяньѣ лучезарномъ —
Моя Юдифь... Проснулся я .. опять
Передо мной тюрьмы нагія стѣны,
И бѣшенство почуялъ я въ душѣ,
Какъ Галилей!.. Да, Галилей! Подъ пыткой
Ты долженъ былъ сознаться, что земля

Не движется; но чуть минутный роздыхъ
Былъ данъ тебѣ, ты на ноги вскочилъ
И пронеслись предъ сонмомъ кардиналовъ,
Какъ громовой раскатъ, твои слова:
„А все-таки она вертится!“
„А все-таки она вертится!“
Это мнѣ
Покою не даетъ ни на мгновенье,
И каждый мигъ я слышу, каждый мигъ
Въ моихъ ушахъ: „А все-таки вертится!
А все-таки вертится!“

(За сценой дѣтскій хоръ поетъ псалмъ).

Чу, поютъ!
О, эти голоса! О, звуки чистыхъ,
Невинныхъ душъ! Не зная, что̀ творятъ,
Поютъ они, младенцы, пѣсню мщенья...
Да неужли жъ такой законъ всего
Живущаго?.. О, всемогущій Боже,
Ты видишь ли, какъ пресмыкаюсь я?
Ты ль повелѣлъ, чтобъ съ неба не простерлась
Ничья рука несчастнаго спасти!..

Рувимъ (*за сценою*).

Пустите же!.. Я видѣться съ нимъ долженъ!
Пустите!

Уріель.

Голосъ брата!

Рувимъ (*входитъ*).

Уріель!

Уріель.

Братъ, мнѣ любовь нужна не *предъ* позоромъ,
Но *послѣ* посрамленья.

Рувимъ.

Не хотятъ
Насъ допускать къ тебѣ; на брата братьямъ
Взглянуть не позволяютъ!.. Уріель,
Остановись! Отъ имени семейства
Я прихожу—готовы мы терпѣть,
Мы не хотимъ насильно къ отреченью
Тебя склонять! Не дѣлай изъ-за насъ...

Уріель.

Я матушкѣ торжественно поклялся
И...

Рувимъ.

Матушкѣ! Увы! Когда она
Еще жила!.. Но, Уріель, движенье
Послѣднее ея закрытыхъ глазъ
Тебя вездѣ искавшее напрасно...

Уріель.

Что ты сказалъ? Скончалась!.. Наша мать?
Ея ужъ нѣтъ?..

Рувимъ.

Тебѣ не захотѣли
Мое письмо отдать, и я сюда

Насильственно ворвался... Да, мой милый,
Ея ужъ нѣтъ, нѣтъ тамъ, гдѣ можетъ насъ
Преслѣдовать проклятье!

Уріель.

Умерла!..
И все-таки—коли въ такой печали
Возможно утѣшенье, если можетъ
Въ слезахъ такихъ улыбка проглянуть—
Я все-таки готовъ быть благодарнымъ
Судьбѣ за то, что, умирая, мать
Очищеннымъ меня считала прежде,
Чѣмъ это совершилося; что смерть
Взяла ее, когда еще я столько
Не выстрадалъ...

Рувимъ.

Возьми назадъ свое
Рѣшеніе! Мы въ Гагу переѣдемъ
И новое, быть можетъ, счастье тамъ
Найдемъ себѣ...

Уріель.

Что ты сказалъ? Рѣшенье
Мнѣ взять назадъ? Рувимъ, ты знаешь, сердце
Мое не мнѣ принадлежитъ; одну
Лишь часть его я получилъ обратно
Отъ матушки; другая отдана... (*Звукъ рожка*).

Рувимъ (*удерживая Уріеля*).

Юдифи?..

Уріель.

Братъ! Пусти, пусти! Ты видишь—
Меня зоветъ безмолвный взглядъ любви! (*Быстро убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Занавѣсъ на заднемъ фонѣ отдергивается. Видна внутренность синагоги. Возвышеніе съ нѣсколькими ступенями ведетъ къ тому мѣсту, гдѣ хранится кивотъ. Комната ярко освѣщена. Въ скиніи сидятъ: **Сантосъ, Эмбденъ** и два **раввина** съ покрывалами на головахъ; **Уріель** и **Рувимъ.**

Сантосъ.

Предстань передъ кивотомъ, Уріель
Акоста! Покаянья твоего
Израиль ожидаетъ!

Рувимъ (*удерживая его*).

Братъ, постой,
Постой... Юдифь...

Уріель.

Вотъ, вотъ оно, то имя,
Чт̀о сдѣлалось моей судьбою!.. Ну,
Трусливая нога, безъ колебаній.
Впередъ... (*входитъ на ступени*).

Рувимъ.

О, страшная игра судьбы!
Не знаетъ онъ, чт̀о въ домѣ у Манассе

Какъ разъ теперь свершается!.. Несчастный!
Для матери хотѣлъ отречься онъ—
Мать умерла! Онъ для невѣсты въ жертву
Себя принесъ—невѣста для него
Потеряна навѣкъ!

Сантосъ

(*обращаясь во внутренность синагоги*).

Внемли, Израиль,
И возликуй по всѣмъ странамъ земли!

Уріель

(*читаетъ актъ отреченья; вдали тихая музыка*).

...Я, Уріель Акоста, португалецъ
Рожденіемъ, религіей—еврей,
Здѣсь признаю, передъ очами Бога,
Что милости Его не стою я.
Ужъ въ дѣтствѣ я устами исповѣдалъ
Религію Христа, но сердцемъ былъ
Враждебенъ ей. Затѣмъ, принявши снова,
Съ такимъ же лицемѣріемъ въ душѣ,
Религію Іакова, я не былъ
Христіанинъ и не былъ я еврей;
Тѣхъ и другихъ глубоко ненавидѣлъ,
Но больше ненавидѣлъ свой народъ;
Надъ всѣмъ, что̀ чтитъ онъ, какъ свою святыню,
Смѣялся я; все, что́ закономъ намъ
Запрещено, я совершалъ охотно.
Гдѣ разумъ былъ безсиленъ для того,
Чтобъ облекать въ одежду правды мысли

Безбожныя, я прибѣгалъ къ насмѣшкѣ,
И написалъ я книгу, сатаной
Внушенную... Проклятье написавшей
Ее рукѣ! она могла свести
Въ могилу мать!

Рувимъ (*въ сторону*).

Ты въ этомъ неповиненъ!

Уріель.

„Въ крови перо, которымъ книгу ту
Я написалъ. Все, что̀ въ моемъ мышленьѣ
Я находилъ противнымъ нашей вѣрѣ—
Созданье лжи. Все то, что̀ называлъ
Я разума источникомъ, сзывая
Всѣхъ жаждущихъ въ немъ жажду утолять—
Ничто иное, какъ вода въ корытѣ
Животныхъ тѣхъ, которыхъ презирать
Привыкли мы отъ дней давно минувшихъ.
Святое откровенье—слово устъ
Всевышняго Создателя—я ложно
Истолковалъ; преступно извратилъ
Весь смыслъ его; словамъ пророковъ придалъ
Фальшивое значенье, находя
Во лжи моей безбожное злорадство...

(*Голосъ его слабѣетъ, онъ едва держится на ногахъ, раввины поддерживаютъ его*).

И нынѣ я почувствовалъ себя
Такъ глубоко презрѣннымъ въ этомъ гордомъ
Тщеславіи, что искупить хочу
Раскаяньемъ заслуженную кару—

Проклятіе народа моего!
И для того, чтобъ доказать смиренье
Моей души, чтобъ доказать, что я
Гордынею предъ братьями моими
Не возношусь—какъ кающійся грѣшникъ
Здѣсь... предъ дверьми святого храма... лягу
На землю я... и каждый пусть изъ васъ
Черезъ меня ногами... (*Падаетъ безъ чувствъ*).

Рувимъ.

Что я слышу?

Сантосъ (*беретъ бумагу и читаетъ*).

„Здѣсь, передъ дверьми святаго храма, лягу
На землю я, и каждый пусть изъ васъ
Черезъ меня ногами переступитъ!"

Рувимъ (*внѣ себя*).

Прочь! Иль меня растопчете вы съ нимъ!
(*Стремительно убѣгаетъ. Уріеля, между тѣмъ, унесли въ синагогу. Раввины слѣдуютъ за нимъ. Вмѣсто музыки, въ синагогѣ слышны молящіеся голоса*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Іохаи и **де-Сильва** (быстро выходятъ).

Сильва.

Что вы хотите дѣлать, Бенъ-Іохаи?
Не стыдно ли? Одумайтесь! Ужели
Такъ помутилъ вашъ умъ избытокъ счастья?

І о х а и (*смотря на сцену*).

Вотъ, онъ, гордецъ! Что̀, сладко, хорошо
Во прахѣ пресмыкаться? Пусть услышитъ,
Пусть, ползая въ пыли, услышитъ онъ,
Что не совсѣмъ разсчетъ-то вышелъ вѣренъ!
Для призрака пустаго ты собой
Пожертвовалъ! Юдифь—моя, и пальма
Въ ея рукѣ цвѣтетъ не для тебя! (*Уходитъ*).

С а н т о с ъ (*стоя на ступеняхъ*).

О, неужли вы, силы рока, тѣ же,
Что̀ сторожатъ и двери неба?.. Вы,
Съ горящими мечами херувимы,—
Вы ангелы иль злые духи ада?..
Какъ это все могло случиться?... Но...
Я тутъ стою, скорбя и размышляя,
А между тѣмъ, нахальство злое тамъ
Побѣду торжествуетъ...
(*Всходитъ выше и смотритъ за сцену*)
Бенъ-Іохаи
Черезъ него желаетъ прежде всѣхъ
Переступить... Придетъ пора, несчастный,
И для тебя—и ты споткнешься!.. Да,
Дерзаетъ онъ... Переступилъ... Акоста
Стремительно вскочилъ... Въ его глазахъ,
Сверкающихъ негодованьемъ, ужасъ...
Слова Іохаи вѣрно слышалъ онъ...
Поруганное платье онъ срываетъ
Съ себя долой... Толпа даетъ дорогу...
Въ смятеньѣ всѣ... Онъ бросился сюда...

О, страшный рокъ! И я, я могъ подумать,
Что шлютъ тебя на землю небеса!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сантосъ, Эмбденъ, раввины входятъ въ смятеніи; за ними **народъ**; потомъ **Уріель.**

Сантосъ.

Открыть скорѣй всѣ двери!

Эмбденъ.

Отпустите
Народъ домой! Здѣсь преступленье!...

Всѣ.

Онъ
Кощунствуетъ!

Уріель.

Молчите! Всѣ молчите!
Я знаю васъ, всѣхъ знаю!.. Вотъ богачъ
Іохаи! Да, вѣдь это ты, Іохаи,
Меня толкнулъ ногой?

Сильва.

Уріель,
Предъ волею судьбы склонитесь; кротко,
Безропотно переносите то,
Что̀ рокъ вамъ шлетъ...

Урiель.

Вы докторъ Сильва!..

Сантосъ.

Если
Отрекся ты изъ-за Юдифи только,
То Господомъ наказанъ ты: она
Готова стать женою Бенъ-Iохаи...

Урiель.

Что ты сказалъ?

Сильва.

Акоста! Не пытайтесь
Изслѣдовать, *какъ* сила злой судьбы
Заставила отдать дитя на жертву;
Чт̀о свершено—нести осталось вамъ.

Урiель

(*послѣ долгой, отчаянной борьбы, бросается на грудь Сильвѣ*).

Для труповъ я убилъ себя, де-Сильва!
О, смертные, вы слишкомъ смертны!

Сантосъ.

Что жъ,
Окончишь ли ты, осквернитель храма,
Раскаянья обрядъ? Еще не все
Совершено.

Уріель.

Еще не все? Внемлите жъ:
А все-таки вертится!

Сильва (*въ сторону*).

Галилей!
Твои слова!

Уріель.

Спадите груды камней
Съ моей груди! На волю мой языкъ!
Воспрянь, мой умъ, и, какъ Самсонъ предъ смертью,
Съ отчаяннымъ усильемъ разорви
Позорныя оковы! Я разрушу
Моей рукой колонны ваши! Я—
Слѣпой скрипачъ, которому внезапно
Почудилось, что онъ герой, поющій
Про скорбь свою, чтобъ пѣснею своей
Заставить васъ пуститься въ плясъ веселый!
Въ послѣдній разъ тряхнулъ я волосами
И вамъ кричу: все, что̀ прочелъ я—ложь!

Сантосъ *и всѣ остальные.*

Прочь, прочь его!

Уріель.

Безумцы! Неужели
Вамъ кажется, что яркій солнца свѣтъ
Затмите вы вотъ этими свѣчами?
Безсмертными въ своемъ безумьѣ вы

Сочли себя—вы, мошки, въ лѣтній вечеръ
Рожденныя на нѣсколько часовъ,
Чтобъ безъ слѣда пропасть въ пространствѣ вѣчномъ!
Вы буквою сковать хотите духъ,
Предвѣчный Богъ у васъ въ оковахъ буквы;
Небесный міръ земному подчинить
Стремитесь вы - тому земному міру,
Который вы и глазомъ обнимать
Едва-едва способны... Нѣтъ, довольно!
Мы требуемъ свободы отъ ярма!
Пусть символомъ всей вѣры будетъ разумъ—
И только онъ! А тамъ, гдѣ мы, идя
За правдою, терзаемся сомнѣньемъ—
Тамъ лучше намъ искать иныхъ боговъ,
Чѣмъ съ старыми богами не молиться,
А проклинать!

Сантосъ.

Ты думаешь, тобой
Освобожденъ мыслитель? Нѣтъ на волю
Здѣсь вырвался твой демонъ!

Уріель.

Демонъ мой!
Де-Сантосъ, да, мой демонъ! Вѣрю въ Бога
Я вашего—я вѣрую въ тебя,
Богъ Адонай, Богъ, топчущій, какъ глину,
Своихъ враговъ, Богъ, дышащій огнемъ,
Богъ, мстительный до третьяго колѣна!
Моя душа такой же гнѣвный богъ—
И съ этихъ поръ служу я богу мести! (*Убѣгаетъ*)

Сильва.

Вотъ до чего дошло! О, разорвать
Я на себѣ готовъ мою одежду
И каяться, какъ грѣшникъ, въ томъ, что я
Участникъ былъ такого злодѣянья!..
Стражъ виноватъ, когда поруганъ храмъ,
Вина жреца, когда погибла вѣра!

Сантосъ (*раввинамъ*).

Что̀ дѣлать намъ, Акиба скажетъ. Завтра
Мы свидимся на свадьбѣ Бенъ-Іохаи!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

На виллѣ Манассе.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мужчины и дамы гуляютъ на эстрадѣ, въ глубинѣ сены. Слуги несутъ золотые кубки на серебряныхъ подносахъ.

Входятъ **Іохаи** (въ платьѣ жениха), **Сильва** и нѣсколько гостей.

Іохаи.

Привѣтъ мой вамъ! Сегодня, господа,
Здѣсь царствуетъ веселье! Съ нетерпѣньемъ
Предъ нашими дверями ждетъ оно,
Чтобъ поскорѣй склонилось въ волны моря
Медлительное солнце... Кубокъ полный,
Увѣнчанный цвѣтами, васъ, друзья,
Привѣтствуетъ! Кого томитъ забота—
Оставь ее на днѣ бокала; тотъ,
Кто одинокъ—забудься въ вихрѣ танца!
И знайте всѣ: что если кто изъ васъ
Уйдетъ домой, какъ только день потухнетъ,
Не захотѣвъ дождаться, чтобъ взглянуть,

8*

Іаъ поцѣлуй супруга зарумянитъ
Прекрасную невѣсту—я его
Завистливымъ признаю: этимъ явно
Онъ выкажетъ недружелюбный взглядъ
На мой тріумфъ безмѣрнаго блаженства!

Сильва.

Вы съ кубками могли бъ повременить:
Еще обрядъ священный не свершился.

Іохан.

Скорѣй летите, поскорѣй,
Голущія минуты! Не свинцомъ ли
Вы, часовыя стрѣлки, налились?..
Вотъ, вотъ она! Смотрите, Сильва, ваша
Племянница! Что жъ, и теперь еще
Вы будете безмолвны? Крикъ восторга
Не рвется изъ вашихъ устъ, когда
Предъ вами та, которая затмила
Своей красой своихъ брильянтовъ блескъ?

Сильва.

Куда ужъ мнѣ! Вы такъ блаженствомъ вашимъ
Упоены, что и любой поэтъ
Его воспѣть достойно не съумѣетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Новые гости. Потомъ **Юдифь**, въ бѣломъ вѣнчальномъ платьѣ; ее ведетъ подъ руку **Манассе**

Іохаи.

Вы сердитесь, де-Сильва! Но взгляните
Вы на нее: будь скорбь у ней въ душѣ,
Могла ли бы она такой роскошный
Надѣть нарядъ?

Сильва.

Невѣста никогда
Сама не наряжается; невѣсту
Другіе наряжаютъ...

Юдифь.

Мой привѣтъ
Вамъ, добрые друзья! (*къ Іохаи*). Что жъ, документы
Подписаны?

Іохаи.

О, милая Юдифь,
Не будьте такъ жестоки, открывая,
Чѣмъ я купилъ блаженство...

Юдифь.

Мой отецъ,
Ты потвердить торжественно мнѣ долженъ,
Что чѣмъ ты былъ, тѣмъ снова сталъ.

Манассе.

Я вновь
Манассе Вандерстратенъ.

Юдифь.

Безусловно?
Все счастіе минувшихъ дней къ тебѣ
Вернулось безраздѣльно?

Манассе.

Успокойся,
Дитя мое!.. Послѣднимъ шагомъ жертвы
Святой твоей ты закрѣпила все,
Ты навсегда запечатлѣла счастье,
Котораго стыжусь я...

Юдифь.

Хорошо!
Теперь... идемъ (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и шатается*).

Манассе.

Дитя мое!

Іохаи.

Вамъ дурно?

Сильва.

Минуты двѣ покоя дайте ей...
Идите всѣ... Она придетъ со мною.
(*Всѣ уходятъ, кромѣ Юдифи и Сильвы*).

Сильва.

Сядь здѣсь, Юдифь; минуту отдохни...

Юдифь.

Не здѣсь! не здѣсь! Смотрите—на скамейкѣ
Усѣлся духъ... онъ блѣденъ, какъ мертвецъ...

Сильва.

Дитя мое, ты бредишь!

Юдифь.

Нѣтъ, не призракъ,
Не призракъ онъ! Недвижимо стоитъ
Онъ предо мной...

Сильва.

Нѣтъ, неподвиженъ только
Твой взглядъ!.. Юдифь! Сознаньемъ своего
Достоинства должна ты укрѣпиться,
И подвигомъ великимъ будь горда.

Юдифь.

Но, Сильва, вамъ случалось развѣ гордость
Встрѣчать въ слезахъ?

Сильва.

О, да—когда она
Томилась нетерпѣньемъ... Успокойся,
Приди въ себя... Ты знаешь вѣдь о *немъ*?.

Юдифь.

Я знаю все и ничего не знаю...

Сильва.

О, зачеркни страницу эту жизни
Твоей... О немъ извѣстій никакихъ
Ужъ нѣтъ два дня... Сперва отдохновенья
Искалъ онъ тамъ, гдѣ мать его лежитъ,
Но прогнанъ былъ съ кладбища сторожами.
Потомъ ходилъ къ сестрѣ своей Рахили,
Гдѣ маленькаго сына учитъ онъ
По гречески... И такъ, гонимый всюду
Проклятіемъ двойнымъ, блуждаетъ онъ,
И, какъ мудрецъ, конечно сознаетъ,
Что мщеньемъ онъ себя унизилъ...

Юдифь.

Мщеньемъ?..
О, еслибъ мнѣ увидѣть эту месть,
Въ которой онъ поклялся—это мщенье,
Котораго такъ жадно у судьбы,
У случая, у демоновъ, у неба,
Я для себя прошу; да, для себя,
Зачѣмъ, что все, все, даже мщенье, сладко
Отъ милаго!

Сильва.

За что жъ онъ станетъ мстить?
За гордую кичливость Бенъ-Іохаи
Богатствами? За ту святую жертву,
Что̀ дочь отцу приноситъ? За три дня
Мучительной борьбы съ законнымъ долгомъ?..
О, какъ тебя я снова полюбилъ

За подвигъ твой, съ такою чистотою
одившійся изъ сердца твоего!
Спасти отца былъ *долгъ* твой, долгъ священный.
Я узнаю дитя моей сестры!..

Юдифь *(задумчиво).*

Скажите мнѣ... отецъ мой... много плакалъ,
Когда несли въ могилу мать мою?

Сильва.

Оставь дитя! Что̀ было—миновало.

Юдифь.

Нѣтъ, я хочу! Скажите—какъ потерю
Онъ перенесъ?..

Сильва.

Твоя родная... ахъ!
Ей памятникъ воздвигнутъ въ этомъ паркѣ...

Юдифь.

Подъ мраморной одеждою печаль
Замолкнула?.. Еще одно, де-Сильва.
Скажите мнѣ: мой братъ... когда была
Ребенкомъ я, онъ умеръ...

Сильва.

Ну, довольно жъ!
Что̀ вспоминать о прошломъ? Чѣмъ твой братъ
Былъ для отца,—начертано вонъ тамъ,
(указываетъ въ садъ)
На мраморномъ столбѣ.

Юдифь.

Прощайте, Сильва!

Сильва.

Юдифь!.. Юдифь! ты поблѣднѣла вся...
Грудь судорожно сжалась... Что съ тобою?
(*Кричитъ за сцену*).
Воды! воды! скорѣй воды сюда!
О, Боже мой! Дитя мое?..

Юдифь.

Оставьте!
Ужъ все прошло...

Сильва.

Намъ надо отложить
Вѣнчанье; у тебя не хватитъ силы!..
(*Слуга вноситъ стаканъ воды на серебряномъ подносѣ*).

Юдифь.

Поставь сюда.
(*Слуга ставитъ стаканъ и уходитъ; она нѣсколько минутъ пристально смотритъ на принесенную воду*).
Де-Сильва, руку мнѣ—
И къ алтарю невѣсту поведите. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Уріель, Барухъ Спиноза (у мальчика въ рукахъ нѣсколько цвѣтовъ).

Барухъ.

Ахъ, какъ давно я съ вами не входилъ
Въ прекрасный паркъ! Сегодня здѣсь, какъ видно,
Какое-то большое торжество! *(Идетъ срывать цвѣты).*

Уріель.

Она, óна!.. Въ вѣнчальномъ платьѣ... Тѣмъ же
Священникамъ, что̀ прокляли меня,
Она себя благословить позволитъ!..
Что̀, еслибы явился я туда
И осквернилъ алтарь прикосновеньемъ
Моей руки проклятой!.. На нее
Я не сержусь: она свершила то же,
Что̀ сдѣлалъ я?.. Но *онъ*! На поединокъ
Его я звалъ; мою перчатку трусъ
Не захотѣлъ поднять и съ секундантомъ
Моимъ прислалъ насмѣшливый отвѣтъ:
Вѣдь мы не португальскіе гидальго!

Барухъ (*возвращаясь съ цвѣтами*).

Мнѣ матушка сказала, что изъ мѣстъ,
Которыя вы избѣгать рѣшились,
Васъ больше всѣхъ пугаетъ этотъ домъ
И въ немъ-то мы, смотрите, очутились!

Уріель (*не слыша его*).

Не португальскіе гидальго мы!
О, да, онъ правъ! Мы гнусные трусишки;
Покупщики людского мяса мы!
Червонцами набитые чурбаны!

Барухъ.

Послушайте! Когда съ самимъ собой,
Вотъ какъ теперь, вы говорите—вѣрно
Вы *думаете* то же?.. Такъ вдвоемъ
Давайте думать, дядя! Задавайте
Вопросы мнѣ... (*Улыбаясь*). Отвѣты у меня
Находятся чудесные. Вотъ только
Вопросами я бѣденъ. У другихъ—
Наоборотъ, я слышалъ...

Уріель.

О, *не думай*,
Дитя мое! Спи тихо, какъ цвѣтокъ,
Что въ красотѣ роскошной, безмятежно
Покоится, заботясь мало, *кто*
Создалъ его! Пусть плаваетъ, какъ волны,
Твой гордый духъ въ открытомъ морѣ, дальше
Отъ берега, гдѣ вѣчно бы тебя
Вопросами терзали люди: кто ты?
Христіанинъ иль іудей? голландецъ
Иль португалецъ? къ королю лежитъ
Твоя душа иль къ всенародной власти?
Будь глухъ, дитя, къ такимъ вопросамъ; пусть
Отвѣтъ на нихъ въ груди твоей таится!

Барухъ.

Сюда идутъ. Могу я унести
Мои цвѣты для матушки въ подарокъ?

Уріель.

Брось лучше ихъ; завяли ужъ они
Въ твоей рукѣ... Теперь пора, мой милый;
Иди домой.

Барухъ.

Вы развѣ не со мной?

Уріель.

Ужъ сумерки... Иди, иди, мой Барухъ,
И кланяйся домашнимъ.

Барухъ.

Значитъ, вы
Останетесь на праздникѣ?

Уріель.

Быть можетъ!..
Ну, Богъ съ тобой! Я скоро къ вамъ приду.

Барухъ.

Цвѣты мои завяли, я ихъ брошу...
А знаете, какъ различаю я
Вонъ тѣ цвѣты, что̀ на стеблѣ красиво
Качаются, и эти вотъ, уже

Увядшіе? Тѣ—*мысли*; эти—только
Понятія. Тамъ *думаетъ* Творецъ,
Здѣсь *понимаютъ* люди. Такъ какъ все
Отличье между ними—яркость красокъ,
И ароматъ, и сила бытія,
То и Творца я называю жизнью
И бытіемъ. Безъ бытія, безъ жизни,
Увядшіе цвѣты ужъ не цвѣты;
За ними остается только цѣнность
Понятія; затѣмъ они—ничто
И умирать съ покойнымъ сердцемъ могутъ.

(Выпускаетъ цвѣты изъ рукъ).

Да смѣйтесь же. Вѣдь каждый разъ, какъ я
Пускаюсь въ разсужденья, вы смѣетесь!
Что жъ ныньче вы такой серьезный?.. Ну,
Пора... А вы скорѣе; почитаемъ
По гречески (*уходитъ*).

Уріель.

(*Смотря ему въ слѣдъ и на цвѣты*).

Затѣмъ они—ничто
И умирать съ спокойнымъ сердцемъ могутъ!..
Нѣтъ, умное дитя, нѣтъ, ты не правъ...
И изъ такихъ цвѣтовъ я часто, часто
Пилъ ядъ и смерть—смерть, счетовъ всѣхъ конецъ,
Всѣхъ цифръ итогъ послѣдній... Ну, Іохаи,
Людскихъ сердецъ счастливый покупщикъ!

(Вынимаетъ пистолетъ).

Гдѣ вексель твой? Сегодня срокъ уплаты!

(Прицѣливается въ ту сторону, гдѣ происходитъ обрядъ вѣнчанія).

Не двигайся, какъ былъ недвижимъ я,
Когда лежалъ, пятой твоей давимый!
Стой тихо, Крезъ! еще одно мгновенье,
Единое біенье сердца... Га!.. (*Опускаетъ пистолетъ*).
Обмѣнены ихъ кольца!.. Поздно!.. Мщенье
Мнѣ болѣе не нужно... О, не думай,
Не думай никогда! Твоя рука
Опустится въ безсиліи, хоть духомъ
Окрѣпнешь ты... Ахъ, да, и я—цвѣтокъ
Увянувшій; осталась только цѣнность
Понятія; затѣмъ ужъ я—ничто
И умереть могу съ спокойнымъ сердцемъ! (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Манассе, Сильва, Юдифь, Іохаи, Сантосъ и **гости**. Потомъ **Уріель.**

Юдифь.

Позвольте мнѣ еще минутку здѣсь
Побыть одной... Я новизною слишкомъ
Потрясена... Придти въ себя мнѣ надо...
Пожалуйста идите... Я приду...

Іохаи.

Я первому жены моей желанью
Противиться не смѣю, хоть оно
Прискорбно мнѣ... Пожалуйте за мной,
Почтенные друзья! Уединенье,
Которое любила такъ всегда

Моя Юдифь, имѣетъ также право
Теперь ее поздравить прежде всѣхъ. (*Уходитъ съ гостями*).

Юдифь

(*оглядывается, вынимаетъ изъ кармана порошокъ и всыпаетъ его въ стаканъ съ водою*).

Свершается!.. Вѣдь ты сказалъ, де-Сильва,
Что мой отецъ утѣшится!.. (*выпиваетъ ядъ*).
Ему
Мой памятникъ въ саду меня замѣнитъ!..

Уріель (*входитъ*).

Вы здѣсь, Юдифь?.. Я свидѣться хотѣлъ
Въ послѣдній разъ съ женою Бенъ-Іохаи.

Юдифь (*опускается на скамью*).

Да, вотъ она!

Уріель.

Когда бъ *теперь* уѣхать
Я захотѣлъ, конечно вы меня
Не стали бы удерживать, какъ прежде!
Юдифь, Юдифь! Передъ тобой твой другъ,
Поруганный, растоптанный, разбитый,
Сожженый въ прахъ!.. Гдѣ жъ гордая твоя
Энергія любви, гдѣ эта сила,
Что дикій пылъ зажгла въ моей душѣ,
Къ страстямъ любви спокойно равнодушной?
Теперь скажи, что̀ дѣлать намъ?

Юдифь.

Прости,
Мой Уріель, что наши муки смѣю
Я сравнивать... Кого изъ насъ двоихъ
Считаешь ты несчастнѣе?

Уріель.

Не даромъ
Была страшна мнѣ женская любовь!..
Ахъ, тѣ слова, что̀ здѣсь, на этомъ мѣстѣ,
Ты крикнула раввину, все еще
Звучатъ въ ушахъ!.. Какая перемѣна
Жестокая!

Юдифь.

Ты мнѣ прощаешь, другъ?

Уріель.

Простить? Тебѣ? Ты поступить иначе
И не могла... О отчего жъ не могъ
Я дѣйствовать иначе? Ахъ, Юдифь!
Поймешь ли ты, что значитъ ненавидѣть
И презирать себя же самого!
Мученіе проклятое!

Юдифь.

Избавься
Отъ этого мученія! Ступай
Въ открытый міръ съ энергіею вѣры
И истину свою, борецъ-герой,
Провозглашай повсюду!

Уріель.

Поздно, поздно!
Кого теперь я въ ней увѣрю?.. Нѣтъ!
Кто съ первыхъ дней сошелъ съ прямой дороги,
Тотъ пусть потомъ изъ камня хлѣбъ творитъ—
Ему никто не станетъ вѣрить. Силу
Святого убѣжденья навсегда
Теряетъ тотъ, кто *разъ* отъ убѣжденья
Отрекся.

Юдифь.

Нѣтъ! Нѣтъ, ты не правъ!.. Иди,
Мой Уріель! Спѣши къ побѣдамъ духа,
Спѣши на бой—свободный, вѣрный бой!
Будь мужественъ, и крѣпокъ, и безстрашенъ!..
Сюда идутъ... Прости...

Уріель.

Ты такъ блѣдна!..

Юдифь.

Прощай, мой другъ!

Уріель.

Юдифь! Но что съ тобою?..

Юдифь.

Иди, иди! Не нужно на меня
Тебѣ смотрѣть!.. Нѣтъ, только слышать будешь
Ты обо мнѣ...

Уріель.

Стаканъ... и эта блѣдность
Смертельная... Юдифь! Какая мысль
Ужасная! Кровь застываетъ въ жилахъ!..

ЯВЛЕНІЕ V.

Входятъ **Манассе, Сильва** и нѣсколько гостей; потомъ **Іохаи, Сантосъ** и остальные гости.

Манассе.

Гдѣ жъ дочь моя?

Сильва.

Акоста!

Уріель.

На свою
Племянницу, де-Сильва, посмотрите!

Манассе.

Дитя мое!.. Что́ сдѣлалось съ тобой?
Тебѣ...

Юдифь.

Легко, легко, отецъ мой добрый!

Манассе.

О, Господи! да что жъ случилось здѣсь?..
Ты холодна...

Сильва.

Какъ мраморъ вашъ .. О, бѣдный,
О нищій милльонеръ! Твое дитя...

Манассе.

Кончается!

Урiель (*въ сторону*).

Вотъ, вотъ онъ, смертоносный
Ядъ изъ моихъ увянувшихъ цвѣтовъ!

Iохаи (*входя*).

Насъ ужинъ ждетъ, достойнѣйшіе гости!
Давно пора! Юдифь!... Что это?.. О!..

Урiель.

Смотри сюда, смотри, торгашъ надменный,
За векселя купившій сердце, и—
И ничего по нимъ не получившій!
Что жъ! Подойди, поближе подойди
И опозорь меня своей ногою
Втрично, здѣсь, предъ этимъ алтаремъ!
(*Садится у ногъ Юдифи*).

Iохаи (*въ сторону*).

Купилъ я трупъ!

Манассе.

Спасенье, Сильва!

Сильва.

Поздно!
Кончается мое искуство здѣсь.

Юдифь (*прерывающимся голосомъ*)

Мой Уріель!.. И ты, ты могъ подумать,
Что та душа... которую такъ нѣжно...

Ты развивалъ... не знала, какъ платить
Свой долгъ... любви? Отецъ мой... видишь, мною.
Спасенъ... спасенъ... но вотъ какой цѣной!

(Снимаетъ съ головы брачный платокъ).

О, міръ иной въ своихъ дѣвичьихъ грезахъ
Я видѣла... и жизнь была полна
Иныхъ надеждъ... плѣнительно прекрасныхъ...
Сбылась одна, короткая весна...
На мигъ одинъ цвѣточнымъ ароматомъ
Повѣяло... но такъ хорошъ онъ былъ,
Роскошенъ такъ... что и теперь... въ минуту
Предсмертную... ошеломляетъ онъ
Блаженнымъ упоеніемъ... Прощайте!..
Прощай, отецъ!.. И жертвѣ той любви,
Что далеко сильнѣй любви дочерней,
Прости... А ты, мой драгоцѣнный, этотъ
Вѣнокъ возьми... онъ твой—и только твой!..

(Протягиваетъ вѣнокъ Уріелю и умираетъ).

Уріель.

(плача, цѣлуетъ вѣнокъ, потомъ кладетъ его въ руку Юифи и встаетъ).

Манассе! Вы любитель монументовъ.
Художника рука доставитъ вамъ
И саркофагъ, и утѣшенье въ горѣ,
Когда дитя несчастное свое
Вы схоронить, быть можетъ, захотите
Вонъ тамъ, въ тѣни плакучихъ ивъ... А я,
Какъ милости, прошу у васъ: позвольте

Вблизи ея и мнѣ улечься... Я
Ни межъ христьянъ, ни посреди евреевъ
Не отыщу себѣ могилы... Я
Изъ тѣхъ людей, что́ на краю дороги
Кончаютъ жизнь... Быть можетъ, часъ придетъ—
И кто нибудь, взглянувъ на бѣдный камень,
Заброшенный, забытый, скажетъ: „Здѣсь
Улегся прахъ страдальца-пилигрима;
Онъ въ истины обѣтованный край
Шелъ, долго шелъ, и умеръ, не достигнувъ.
Но гаснущимъ глазамъ его блеснулъ
Въ предсмертный часъ отрадный лучъ—и это
Была любовь“ (*указывая на Юдифь*). Смотрите, что̀ могла
Свершить любовь!.. Теперь я оставляю
Вамъ этотъ міръ сомнѣнія и лжи,
И дикаго безумья, и гоненій!
Живите въ немъ, каменья громоздя
На сердце тѣхъ, которые стремятся,
Подобно мнѣ, увидѣть Божій ликъ
И, не ища предстательства раввиновъ,
Ему въ глаза смотрѣть дерзаютъ прямо!
Мой камень я несть дольше не могу.
Придетъ пора—засвѣтитъ ярче солнце,
И часъ пробьетъ, когда на языкѣ
Не Греціи, не Рима, не евреевъ,—
Нѣтъ, истины и духа языкѣ,
Заговорятъ: „Міръ не давалъ въ то время
Для дѣлъ такихъ простора; воздухъ былъ
Для пламени такого слишкомъ душенъ –
И этотъ міръ оставилъ онъ, сознавъ,
Что долѣе не могъ въ немъ оставаться!“

Прощайте же! Я вами побѣжденъ.
Но знаете ль, гдѣ водрузится знамя
Побѣдное? Смотрите—тамъ, въ тѣни
Плакучихъ ивъ!.. Мой геній, ты за нею
Послѣдуешь! Вы, вы останьтесь здѣсь;
Издалека я укажу вамъ мѣсто,
Гдѣ вы себѣ побѣду обрѣли,
А я нашелъ успокоенье духа!
(*Уходитъ; черезъ минуту за сценой раздается выстрѣлъ*).

Сантосъ.

За вѣрою побѣда! Пали здѣсь
Двѣ жертвы...

Сильва.

О, не нарушайте, Сантосъ,
Торжественности страшной сихъ минутъ!
Въ двухъ, павшихъ здѣсь, себя явила вѣра,
Нашъ міръ земной презрѣвшая!.. Не намъ
Быть ихъ судьей, затѣмъ, что ихъ убійцы—
Мы, только мы!.. Ступайте же скорѣй
Провозглашать: „любовь! пощада! кротость!“
О вѣрѣ вы толкуете; но чтò
Есть истинная вѣра?... Ахъ, теряютъ
Старинныя святыни прежній блескъ!.
Увѣруйте, во что хотите вѣрить,
Но искренно и чисто!.. Побѣждаетъ
Не то, раввинъ, *чтó* носимъ мы въ душѣ,
Но только то, *какъ* это въ ней мы носимъ!

SPECIAL 88-B
32659

GETTY CENTER LIBRARY

Ц. 50 к.

Книжный магазинъ С. Скирмунта
„ТРУДЪ“.
С.-Петербургъ, Невскій 60. ⁕ Москва, Тверская, 38.